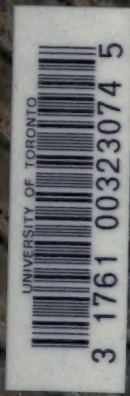
8(0) Чехов
К-546
83



PG
3458
A1K6

1960

DUPLICATE IN CATALOGUE

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

18.337.1.192
37.53.7.173

8(С) Чехов
К-546

Г. КНЯЗЕВЪ Н. Б.

О ЧЕХОВѢ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОЧЕРКЪ

ВЪ ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ УЧЕНИКАМЪ СПБ. ПЕРВАГО РЕАЛЬНАГО УЧИЛИЩА.

101083

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911

LIBRARY
FEB 6 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3458
A1K6

Типографія А. С. Суворина Зртелевъ, 13

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Блистала въ сумеркахъ звѣзда
И сквозь вишневый садъ
Роняла въ зеркало пруда
Съ небесъ лучистый взглядъ.
И тѣни хмурыя толпой
Сходились къ берегамъ,
Скользя неслышною стопой
По бархатнымъ лугамъ.
И тихо плакали въ мечтахъ
О счастьѣ на землѣ,
И садъ вишневый, весь въ цвѣтахъ,
Томился въ полутьмѣ.
Но вдругъ исчезла, словно сонъ,
Прекрасная звѣзда,
И тусклы стали небосклонъ
И зеркало пруда...

Такъ отозвался поэтъ [1]) на пришедшую лѣтомъ 1904 г. изъ чужбины вѣсть о кончинѣ въ ночь со 2-го на 3-ье іюля въ германскомъ курортѣ Баденвейлерѣ Ант. Павл. Чехова, и критическое изученіе творчества покойнаго писателя вполнѣ оправдываетъ эту подсказанную непосредственнымъ чувствомъ поэтическую характеристику его. Въ лицѣ покойнаго сошла въ могилу крупная литературная сила родины и замѣчательный художникъ родного слова. Смерть постигла писателя на 45 году его жизни, въ пору полнаго расцвѣта его прекраснаго дарованія:

---

[1]) *Е. Чернобаевъ*. «Въ вишневомъ саду». Памяти А. П. Чехова: «Міръ Божій», окт. 1904 г., стр. 30.

Чеховъ родился 17 января 1860 года въ Таганрогѣ. Личная жизнь Чехова не богата внѣшними событіями; она заключается почти всецѣло во внутреннемъ ростѣ и развитіи глубокой личности художника-мыслителя и послѣдовательномъ опредѣленіи въ безпрерывной литературной дѣятельности внутренняго содержанія его творчества и поэтическаго міросозерцанія. Чеховъ учился сначала въ греческой школѣ при таганрогской церкви царя Константина, потомъ въ таганрогской гимназіи и высшее образованіе получилъ въ московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ. Выборъ факультета былъ сдѣланъ, повидимому, случайно; по крайней мѣрѣ, въ своей автобіографіи [1]) покойный писатель отказывается припомнить, какими именно соображеніями руководствовался онъ въ данномъ случаѣ, но занятія науками избранной спеціальности, по его собственному признанію, имѣли серьезное вліяніе на его литературную дѣятельность: занятія медицинскими науками, говоритъ Чеховъ, «значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня настороже, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать вовсе. Замѣчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или

---

[1]) Сообщена была, послѣ кончины писателя, г. Россолимо въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ «Русскихъ Вѣдомостей» за 1904 годъ, перепечатана въ «Мірѣ Божіемъ», авг., 1904 г. («На родинѣ», стр. 42).

зрителя было ясно, что это—только условность и что онъ имѣетъ дѣло со свѣдущимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу, и къ тѣмъ, которые доходятъ до всего своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать»... Внутреннее развитіе личности писателя шло, по свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ его, съ поразительною быстротою. Въ гимназіи, по словамъ одного изъ товарищей [1]), это былъ «небольшого роста плотный, хорошо упитанный мальчикъ, съ низкостриженной головой и бѣлымъ лунообразнымъ, пухлымъ, какъ булка, лицомъ», съ вялой походкой, флегматическими движеніями, съ улыбкою на губахъ, не отличавшійся никакими особенными дарованіями; «держался онъ не то, чтобы сосредоточенно, «съ печатью думы на челѣ», какъ подобало бы будущей знаменитости, а скорѣе полувяло, полузастѣнчиво, съ тою осмотрительностью въ поступкахъ, которая съ годами превратилась у него въ драгоцѣнный житейскій тактъ, привлекавшій къ нему людей и ограждавшій его отъ злобствующихъ недоброхотовъ». Въ 1884 году, въ годъ окончанія курса въ университетѣ, Чеховъ, по словамъ того же своего гимназическаго товарища, «былъ неузнаваемъ»: это былъ «высокій, стройный юноша, съ веселымъ, открытымъ и необыкновенно симпатичнымъ лицомъ»; въ обращеніи поражала внушительная степенность, хорошій тонъ, ровность и привѣтливость: «онъ ни суетился, ни радушничалъ, ни старался во что бы то ни стало быть остроумнымъ и интереснымъ; но отъ него такъ и вѣяло самоцвѣтностью, умомъ, привлекательностью»... Пять лѣтъ спустя, лѣтомъ 1899 года, автору воспоминаній, изъ которыхъ были только что приведены выше выдержки, случилось снова встрѣтиться съ покойнымъ писателемъ: «при первомъ взглядѣ на Чехова, говоритъ Сергѣенко, передо мною какъ бы пронеслась въ воздухѣ раненная чайка. Чеховъ былъ милъ, привѣтливъ, съ теплотою говорилъ о

---

[1]) Литературныя и популярно-научныя приложенія къ «Нивѣ», окт., 1904 г.: «О Чеховѣ», воспоминанія *Сергѣенка* (стр. 203—271).

минувшихъ дняхъ, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сказать какую-нибудь шутку. Но это уже былъ не тотъ, не московскій Чеховъ, не милый Антоша Чехонте (такъ звали Чехова товарищи въ гимназіи). Что-то отлетѣло отъ него. Что-то поблекло въ немъ. Около глазъ появились излучины. Привычка вертѣть пушокъ на бородѣ замѣнилась тихимъ перебираніемъ волосковъ на усахъ, особенно, когда онъ слушалъ. А по молодому и все еще миловидному лицу отъ времени до времени проносилась какая-то тѣнь»... Въ личныхъ отношеніяхъ Чеховъ, по общимъ отзывамъ лицъ, его знавшихъ, всегда оставался милымъ, привѣтливымъ, желаннымъ; свѣжій, плѣнительный и безобидный юморъ никогда не покидалъ его, составляя характерную черту его духовной природы, но роковой недугъ, о которомъ онъ не могъ не знать, хотя подчасъ не хотѣлъ вѣрить въ его злокачественность, съ постояннымъ грознымъ memento mori, и отрицательныя явленія современной русской жизни въ предѣлахъ наблюденій надъ нею, доступныхъ для покойнаго мыслителя-художника, при наличности у него прирожденной жалости ко всѣмъ несчастнымъ и угнетеннымъ житейской тяготой, налагали тѣни на «ясную», по выраженію Сергѣенка, «лазурь его души»... Это сказывалось, конечно, и не могло не сказываться, и на литературныхъ произведеніяхъ писателя, ограничивая въ извѣстной степени внѣшніе предѣлы его поэтическаго кругозора, опредѣляя сферу его творческихъ наблюденій и создавая въ господствующихъ тонахъ содержанія и художественнаго представленія своеобразное, такъ называемое, *чеховское* настроеніе, но отнюдь не стѣсняло внутренней свободы творчества. Внутренняя потребность этой свободы слышится уже и въ приведенномъ выше признаніи писателя о важномъ значеніи для него, какъ для художника, его научнаго образованія и усвоеннаго, благодаря этому послѣднему, научнаго метода; о томъ же свидѣтельствуютъ и приводимыя Сергѣенкомъ въ своихъ воспоминаніяхъ слова покойнаго: «я не могу описывать переживаемаго мною; я долженъ отойти

отъ впечатлѣнія, чтобы изобразить его»... Профессоръ Овсянико-Куликовскій [1]) опредѣляетъ художественный методъ творчества Чехова, какъ односторонній, свободно предопредѣляемый художникомъ, предвзятый подборъ чертъ, характеризующихъ изображаемое лицо въ его общемъ значеніи, или нѣкоторый душевный укладъ при извѣстномъ освѣщеніи, большею частью при помощи необыкновенно тонкаго и мѣткаго психологическаго анализа: «въ результатѣ, по словамъ названнаго критика, получается сильный и своеобразный художественный эффектъ»... Путемъ яркаго художественнаго освѣщенія, направленнаго на избранныя черты привлекшаго творческое вниманіе художника даннаго явленія жизни. Чеховъ «выдѣляетъ изъ хаоса явленій, представляемыхъ дѣйствительностью, извѣстный элементъ и слѣдитъ за его выраженіемъ, его развитіемъ въ разныхъ натурахъ, какъ химикъ, выдѣляя какое-либо вещество, изучаетъ его дѣйствіе, его свойства въ различной средѣ»: частное, представляющееся съ перваго взгляда случайнымъ, обобщается и пріобрѣтаетъ глубокій смыслъ и общее значеніе... Въ этомъ отношеніи въ творчествѣ Чехова есть общее съ Гоголемъ, Салтыковымъ, Достоевскимъ; отличіе его отъ первыхъ двухъ заключается въ томъ, что Чеховъ, по основному тону своихъ произведеній, какъ справедливо замѣтилъ о немъ Альбовъ, совсѣмъ не сатирикъ, такъ какъ слишкомъ чутокъ къ боли, а отъ Достоевскаго онъ отличается въ основномъ душевномъ движеніи, на которомъ обосновывается подборъ указанныхъ чертъ у того и другого изъ нихъ. Ардовъ [2]) представилъ весьма интересный фактическій примѣръ художественной работы Чехова, вполнѣ отвѣчающій данному выше критико-теоретическому опредѣленію ея характера. Въ своемъ разсказѣ «Перекати-поле» Чеховъ изобразилъ неугомоннаго скитальца, не имѣющаго ни своего угла, ни опредѣленнаго

---

[1]) Вопросы психологіи творчества, ст. «А. П. Чеховъ».

[2]) *Русь*, 1904 г., № 256, фельетонъ: «Живой оригиналъ «Перекати-поле».

положенія, ни даже опредѣленнаго куска хлѣба, неутомимо измѣряющаго пѣшкомъ громадныя разстоянія въ поискахъ, гдѣ лучше, съ постоянными сомнѣніями въ душѣ, тоскою по семьѣ и родинѣ, и страхомъ одиночества, скитальца въ силу присущаго ему безпокойнаго духа, «который бросалъ его, какъ щепку, изъ города въ городъ, и который онъ, по общепринятому шаблону, называлъ стремленіемъ къ просвѣщенію»... Онъ еврей, выкрестъ, незадолго до встрѣчи съ авторомъ принявшій православіе, бѣжалъ отъ фанатиковъ—родителей изъ Могилевской губерніи въ Смоленскъ, нанялся было въ подмастерьи къ родственнику, лудильщику посуды и жестянику, въ надеждѣ на досугѣ по субботамъ учиться, но, какъ безпаспортный, былъ отправленъ по этапу назадъ къ отцу; родители наказали его и отдали дѣдушкѣ, опять таки еврею-фанатику, на исправленіе; онъ снова ночью ушелъ въ Шкловъ, оттуда опять въ Могилевъ, затѣмъ въ Стародубъ, перебывалъ въ Гомелѣ, Кіевѣ, Бѣлой Церкви, Умани, Балтѣ, Бендерахъ, наконецъ попалъ въ Одессу; послѣ неудачныхъ попытокъ устроиться здѣсь, уѣхалъ въ Перекопъ, гдѣ какой-то грекъ обѣщалъ дать ему мѣсто, отсюда попалъ въ Полтаву; изъ Полтавы съ письмомъ отъ одного студента-еврея къ харьковскимъ студентамъ пошелъ учиться въ Харьковъ, сталъ готовиться въ ветеринарный институтъ, чтобы, по окончаніи курса въ немъ, имѣть возможность поступить на третій курсъ медицинскаго факультета, но отказался отъ этого намѣренія въ виду неопредѣленности своего положенія въ данный моментъ и пріѣзда въ Харьковъ матери, разыскивавшей его; онъ поступилъ въ горное училище на донецкой дорогѣ, разсчитывая по окончаніи курса въ немъ устроиться какъ нибудь штейгеромъ, но во время практическихъ занятій упалъ съ бадьей въ шахту, расшибся, заболѣлъ, долженъ былъ оставить училище, держалъ затѣмъ экзаменъ на сельскаго учителя, принялъ въ Новочеркасскѣ православіе и въ моментъ, къ которому относится разсказъ, разсчитывалъ получить обѣщанное уже ему мѣсто въ церковно-приходской школѣ, для чего недѣли

черезъ двѣ собирался отправиться изъ Святыхъ Горъ, гдѣ встрѣтился съ нимъ авторъ, пѣшкомъ до Славянска, потомъ по желѣзной дорогѣ до Никитовки, оттуда пѣшкомъ до Хацепетовки и т. д. Ардовъ случайно познакомился съ человѣкомъ, съ котораго Чеховъ написалъ своего «Перекати-поле»: онъ оказался служащимъ въ одной хлѣбной конторѣ въ Ростовѣ... Изъ разговора съ нимъ оказалось, что разсказъ Чехова не только правдивъ, но и таковъ, что человѣкъ, съ котораго онъ былъ написанъ, прямо дивился, какъ писатель могъ въ короткій срокъ такъ узнать его; но мелкія подробности авторомъ прибавлены. Такъ, въ дѣйствительности, оказывается, г. С. говорилъ Чехову только о своемъ побѣгѣ изъ родного дома, о томъ, какъ онъ ходилъ или ѣздилъ въ Харьковъ учиться, и какъ потомъ очутился въ Донецкомъ бассейнѣ въ школѣ штейгеровъ; больше г. С. никуда не ходилъ и не ѣздилъ. А Чеховъ заставилъ его, какъ было сказано, побывать и въ Полтавѣ, и въ Одессѣ, и въ Перекопѣ, и еще въ разныхъ мѣстахъ, и это вышло такъ правдиво-типично, что самому г. С. показалось, что изобразившій его писатель знаетъ его жизнь лучше, нежели онъ самъ; получился *скиталецъ*. Затѣмъ г. С. говорилъ Чехову, что онъ разбился во время своего пребыванія въ горномъ училищѣ, упавъ въ обыкновенный колодезь; писатель замѣнилъ колодезь шахтой, и отъ этой перемѣны простая случайность получила типическій характеръ. Вообще, передъ Чеховымъ былъ только намекъ, туманныя очертанія, и вотъ два-три штриха, и возникъ художественный типъ... Перемѣна вѣры отцовъ была, повидимому, обусловлена у г. С. соображеніями чисто матеріальнаго свойства, нежеланіемъ, какъ говорится отъ лица его въ разсказѣ «Перекати-поле», «всю жизнь биться изъ-за куска хлѣба, болтаясь въ грязи», и Чеховъ, конечно, догадывался объ этомъ, замѣчая, что его собесѣдникъ страшно волновался, когда дѣлаемы были попытки узнать причины, побудившія его на сдѣланный имъ смѣлый и серьезный шагъ въ указанномъ направленіи, и твердилъ только одно, что «Новый Завѣтъ есть

естественное продолженіе Ветхаго», что іудаизмъ отжилъ свой вѣкъ; въ интересахъ типичности образа писатель однако объяснилъ эту уклончивость отсутствіемъ у самого собесѣдника яснаго сознанія причинъ, которыя его побудили поступить въ данномъ случаѣ именно такъ и не иначе и которыя коренились въ присущемъ ему безпокойствѣ духа вообще...

Обращаюсь къ характеристикѣ поэтическаго міровоззрѣнія Чехова. Не долго онъ жилъ, но богатое духовное наслѣдство оставилъ по себѣ отчизнѣ. Писать онъ началъ рано, еще на студенческой скамьѣ, и въ 1884 году у него уже имѣлась цѣлая книжка разсказовъ, подъ заглавіемъ «Сказки Мельпомены»; вышедшее въ свѣтъ въ 1901—1902 г. собраніе его сочиненій составляетъ десять томовъ. Настроеніе Чехова и отношеніе его къ жизни, характеризующія, въ общемъ, произведенія начальнаго періода его литературной дѣятельности, были бодрыя, жизнерадостныя; замѣчаемыя несовершенства жизни привлекали къ себѣ вниманіе писателя преимущественно смѣшными ихъ сторонами, и онъ смѣялся надъ ними въ своихъ раннихъ разсказахъ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ. Но скоро въ этомъ смѣхѣ начинаютъ уже слышаться сдѣлавшіяся позднѣе характерными для автора скорбныя ноты... Такъ, уже въ раннихъ своихъ разсказахъ Чеховъ начинаетъ говорить о тяжкомъ безправіи и грубомъ неуваженіи человѣческой личности, граничащемъ подчасъ съ нравственнымъ одичаніемъ... Въ разсказѣ «Переполохъ» барыня, хозяйка дома, у которой пропала брошка, не только обыскиваетъ лично всю прислугу, раздѣвая всѣхъ до-гола, но не стѣсняется даже произвести обыскъ у гувернантки, молодой дѣвушки, дочери учителя, только что окончившей курсъ въ институтѣ; она «бѣднячка», хотя и «ученая», «хоть и барышня, по словамъ горничной Лизы, а все же... какъ бы прислуга»,—стало-быть, что же съ нею стѣсняться? Когда мужъ барыни замѣтилъ ей въ разговорѣ, что она по закону не имѣла права дѣлать такого обыска, она кричитъ: «я не знаю вашихъ законовъ; я только знаю, что у меня пропала брошка, вотъ и все. И я найду эту брошку!—

она ударила по тарелкѣ вилкой (дѣло происходило за столомъ, въ присутствіи гостей), и глаза ея гнѣвно сверкнули.— А вы ѣшьте и не вмѣшивайтесь въ мои дѣла»... Въ разсказѣ «Художество» слышится убѣжденіе въ возвышающемъ нравственномъ значеніи для самосознанія личности труда на общую пользу, участія въ общемъ дѣлѣ: Сережка «самъ по себѣ ничтожество, лѣнтяй, пьянчуга и мотъ», но, когда онъ строитъ, какъ не можетъ построить никто другой, іордань для водосвятія въ Крещеніе, онъ въ глазахъ всѣхъ «уже нѣчто высшее, Божій слуга», всѣ ему «сочувствуютъ, величаютъ Сергѣемъ Никитичемъ», потому что «всѣ чувствуютъ, что художество есть не его личное, а общее, народное дѣло», и въ гулѣ громкихъ выраженій восторга и одобренія тысячной толпы, устремившей на него сочувственные взоры, подъ праздничный трезвонъ колоколовъ и пальбу изъ ружей при погруженіи креста въ воду, «душа лѣнтяя наполняется чувствомъ славы и торжества»... Съ этой точки зрѣнія особенно грустный смыслъ получаетъ въ глазахъ автора замѣчаемое имъ вокругъ себя отсутствіе въ людяхъ внутренней потребности труда и истиннаго пониманія его духовнаго значенія, соединенное нерѣдко съ принижающимъ человѣческую личность мелочнымъ деспотизмомъ въ отношеніяхъ къ тому, для кого ихъ трудъ можетъ непосредственно представлять тотъ или другой интересъ: Сережка въ упомянутомъ разсказѣ принимается за дѣло съ досадой, съ сердцемъ; ему лѣнь; онъ всячески ломается, капризничаетъ надъ безотвѣтнымъ, кроткимъ Матвѣемъ, церковнымъ сторожемъ, на котораго взваливаетъ всю тяжелую, черную работу; тѣшится тѣмъ особымъ положеніемъ, въ какое поставила его въ данный моментъ судьба, «давшая ему рѣдкій талантъ удивлять разъ въ годъ весь міръ своимъ искусствомъ», и грозитъ и попрекаетъ: «я не обязанъ на васъ работать; возьму и не стану дѣлать,—погляжу, какъ вы безъ меня тутъ»... Въ разсказѣ «Тссс!» мелкій газетный сотрудникъ Краснухинъ, принимаясь поздно ночью писать, прежде чѣмъ приступить къ работѣ, долго кокетничаетъ передъ собою исключительною тягостью и неблагодарностью труда писателя, строго на-

казываетъ женѣ, чтобы ему никто не мѣшалъ: «нельзя писать, если ревутъ дѣти, храпятъ кухарки»; слышитъ во время работы въ сосѣдней комнатѣ сдержанный молитвенный шопотъ жильца и кричитъ: «не угодно ли вамъ потише молиться: вы мнѣ мѣшаете писать»; жалуется, что онъ одинъ въ домѣ долженъ работать, когда люди спятъ, и будитъ жену, чтобы ему поставили самоваръ—безъ чая онъ не можетъ писать—и приготовили бифштексъ; утромъ, когда онъ спитъ послѣ ночной работы, никто въ домѣ не смѣетъ ни говорить, ни ходить,—«*тссс*»... носится въ квартирѣ»... Вниманіе писателя привлекаютъ къ себѣ обусловленные указаннымъ отношеніемъ къ труду разные «торжествующіе побѣдители» въ житейской борьбѣ, и въ разсказахъ, имѣющихъ ихъ предметомъ своего содержанія, уже ясно сквозь смѣхъ слышатся сдержанныя слезы оскорбленнаго неправдой жизни сердца вдумчиваго человѣка, а подчасъ открывается такая бездна нравственнаго паденія человѣческой личности въ данныхъ условіяхъ общественности, что для смѣха не остается мѣста, смѣшного не видно изъ-за грустнаго. Эти «торжествующіе побѣдители» пользуются занятымъ ими преимущественнымъ передъ другими положеніемъ, чтобы топтать въ грязь тѣхъ, кто остался ниже ихъ: въ свое время имъ въ борьбѣ за существованіе пришлось вытерпѣть не мало тяжкихъ оскорбленій и обидъ отъ тѣхъ, кто былъ ихъ повыше, и теперь, въ свою очередь, они рады потѣшиться надъ другими. Такъ Козулинъ въ разсказѣ «Торжество побѣдителя», позвавъ къ себѣ подчиненныхъ на блины, приказываетъ послѣ обѣда гостямъ бѣгать вокругъ стола и пѣть пѣтушкомъ, заставляетъ своего бывшаго начальника-старика ѣсть хлѣбъ съ перцемъ и «представлять трагедію», и тотъ кривляется и дребезжащимъ голосомъ выкрикиваетъ: «умри, вѣроломная,—крррови жажду!» «Всякія перемѣны бываютъ, замѣчаетъ при этомъ герой разсказа—«торжествующій побѣдитель»—тогда ты, а теперь я»... Милліонеръ, фабрикантъ Пятигоровъ въ разсказѣ «Маска» обращаетъ читальню въ кабакъ, если не хуже, и выгоняетъ «къ свиньямъ собачьимъ» не узнавшихъ его въ маскѣ мѣстныхъ «интеллигентовъ»,

которые пытались было протестовать противъ учиненнаго имъ безобразія, и оскорбленные пьянымъ самодуромъ, узнавъ, кто былъ буянъ, ходятъ по клубу, гдѣ это произошло, «унылые, потерянные, виноватые» и успокаиваются лишь тогда, когда наругавшійся надъ ними купецъ подаетъ имъ на прощанье руку: «значитъ, ничего, не сердится»... Это преклоненіе передъ внѣшнею, грубою силою, съ одной стороны, и отсутствіе всякаго самоуваженія и какого-либо сознанія своихъ правъ, съ другой, имѣютъ своимъ печальнымъ послѣдствіемъ крайнюю слабость и шаткость нравственныхъ началъ въ жизни людей, неустойчивость совѣсти на жизненномъ пути... Такъ, напримѣръ, чиновникъ Невыразимовъ въ разсказѣ «Мелюзга» недалекъ, въ сущности, отъ того, чтобы совершить преступленіе, и не совершаетъ его единственно лишь потому, что, къ крайней досадѣ своей, не умѣетъ этого сдѣлать или не видитъ подходящаго случая: размечтавшись на дежурствѣ по найму за товарища въ ночь на Свѣтлый праздникъ о томъ, чего у него нѣтъ: о теплой постели, Станиславѣ, новыхъ сапогахъ, вицмундирѣ безъ протертыхъ локтей, «украсть нешто?—подумалъ онъ... Украсть-то,—разсуждаетъ,—положимъ не трудно, а вотъ спрятать-то мудрено... Въ Америку, говорятъ, съ краденымъ бѣгаютъ, а чортъ ее знаетъ, гдѣ эта самая Америка! Для того, чтобы украсть, тоже вѣдь надо образованіе имѣть». «Доносъ написать что-ли?.. да какъ его сочинишь»!.. Постепенно подобные этюды эпизодическаго характера, по мѣрѣ внутренняго роста личности писателя, перерабатываются въ его творческомъ сознаніи въ картины болѣе обобщающаго содержанія, захватъ жизни расширяется и глубина художественнаго проникновенія въ ея сущность возрастаетъ: мало по малу писатель начинаетъ говорить главнымъ образомъ не о *случайномъ*, *частномъ*, какъ это нерѣдко бывало въ первыхъ его разсказахъ, а о *типичномъ* въ жизни: такъ унтеръ-офицеръ Пришибеевъ выростаетъ съ теченіемъ времени въ творчествѣ Чехова въ безсмертный отнынѣ образъ «человѣка въ футлярѣ», Бѣликова. Пришибеевъ грубо распоряжается чужой волей въ темной

средѣ простонародья: онъ не мужикъ, а отставной капте-нармусъ, служилъ и въ пожарныхъ, и въ швейцарахъ въ мужской гимназіи, стало быть всѣ порядки знаетъ, «а мужикъ, разсуждаетъ онъ, простой человѣкъ, онъ ничего не понимаетъ и долженъ меня слушать, потому—для его же пользы»: убѣжденный блюститель непрошеннаго и своеобразно понимаемаго порядка вездѣ шумитъ, кричитъ, «ребятамъ уши деретъ, за бабами подглядываетъ, чтобы чего не вышло», по избамъ ходитъ, приказывая, «чтобъ пѣсней не пѣли и чтобъ огней не жгли,—закона, говоритъ, такого нѣтъ, чтобы пѣсни пѣть», и крестьянскій міръ пятнадцать лѣтъ безмолвно подчиняется гнету этого самозваннаго деспота, пока полиція не привлекла его къ судебной отвѣтственности за оскорбленіе должностныхъ лицъ при исполненіи ими своихъ обязанностей. Бѣликовъ живетъ и дѣйствуетъ въ средѣ, повидимому, культурной и играетъ въ ней роль того же унтеръ-офицера Пришибеева; его приводятъ въ уныніе «всякаго рода нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ, хотя, казалось бы, какое ему дѣло», и своею постоянною боязнью: «ахъ, какъ бы чего не вышло!» онъ заражаетъ и другихъ, гнететъ всѣхъ, съ кѣмъ соприкасается, и въ концѣ концовъ создаетъ крайне удушливую атмосферу не только въ средѣ, непосредственно ему близкой, но и во всемъ городѣ, гдѣ живетъ: всѣ стали бояться всего, бояться не только, напримѣръ, устраивать домашніе спектакли по субботамъ, ѣсть скоромное въ постные дни или играть въ карты, но даже громко говорить, посылать письма, читать книги, помогать бѣднымъ, учить грамотѣ... И все это дѣлалъ, и такимъ грознымъ стражемъ общей совѣсти былъ какой-то человѣкъ «въ футлярѣ», укрывавшемъ его отъ дѣйствительной жизни, какъ зонтикъ и калоши защищали его отъ дождя и грязи. Исключительность условій, опредѣляющихъ въ дѣйствительности явленія въ родѣ Пришибеева, обусловленныя въ большей или меньшей степени темнотою среды, стирается, и въ новомъ поэтическомъ представленіи выступаетъ типически обобщенная черта русской общественности, выражающаяся въ

недостаткѣ внутренней свободы и независимости личнаго убѣжденія въ общественныхъ отношеніяхъ... Въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ Чеховъ даетъ прямо общія характеристики жизни. «Какъ жили эти люди, говоритъ онъ, напримѣръ, о русской провинціи въ своемъ разсказѣ «Моя жизнь», стыдно сказать. Ни сада, ни театра, ни порядочнаго оркестра: городская и клубная библіотеки посѣщались только евреями-подростками, такъ что журналы и новыя книги по мѣсяцамъ лежали неразрѣзанными; богатые и интеллигентные спали въ душныхъ тѣсныхъ спальняхъ на деревянныхъ кроватяхъ съ клопами, дѣтей держали въ отвратительно грязныхъ помѣщеніяхъ, называемыхъ дѣтскими, а слуги, даже старые и почтенные, спали въ кухнѣ на полу и укрывались лохмотьями... Лавочники поили собакъ и кошекъ водкой или привязывали собакѣ къ хвосту жестянку изъ-подъ керосина, поднимали свистъ, и собака мчалась по улицѣ, гремя жестянкой, визжа отъ ужаса: ей казалось, что ее преслѣдуетъ по пятамъ какое-то чудовище; она бѣжала далеко за городъ въ поле и тамъ выбивалась изъ силъ»... «Главное, что болѣе всего поражало,—это совершенное отсутствіе справедливости, именно то самое, что у народа опредѣляется словами: «Бога забыли». Рѣдкій день обходился безъ мошенничества. Мошенничали и купцы, и подрядчики, и ребята, и сами заказчики... Ни о какихъ правахъ не могло быть и рѣчи»!.. «У насъ въ Россіи, говоритъ писатель устами студента Трофимова въ «Вишневомъ садѣ», работаютъ пока очень немногіе. Громадное большинство той интеллигенціи, какую я знаю, ничего не ищетъ, ничего не дѣлаетъ и къ труду пока неспособно. Называютъ себя интеллигенціей, а прислугѣ говорятъ ты, съ мужиками обращаются, какъ съ животными, учатся плохо, серьезно ничего не читаютъ, ровно ничего не дѣлаютъ, о наукахъ только говорятъ, въ искусствѣ понимаютъ мало. Всѣ серьезны, у всѣхъ строгія лица, всѣ говорятъ только о важномъ, философствуютъ, а между тѣмъ громадное большинство изъ насъ, девяносто девять изъ ста живутъ, какъ дикари, чуть что—сейчасъ зуботычина, брань, ѣдятъ отвратительно, спятъ въ

грязи, въ духотѣ, вездѣ клопы, смрадъ, сырость, нравственная нечистота... И очевидно, всѣ хорошіе разговоры у насъ для того только, чтобы отвести глаза себѣ и другимъ»... Въ художественномъ представленіи дѣйствительности въ произведеніяхъ покойнаго писателя получили мало по малу типичное опредѣленіе почти всѣ слои современнаго русскаго общества, при чемъ преобладающими тонами въ поэтическихъ изображеніяхъ его оказываются крайняя некультурность, недостатокъ истинной человѣчности, отсутствіе высокихъ, облагораживающихъ человѣка интересовъ и осмысленности въ жизни, отсутствіе въ душѣ Бога. Купецъ, въ родѣ Лаптева въ разсказѣ «Три года», торгуетъ изо дня въ день безъ всякой системы, безъ опредѣленной цѣли, не имѣя даже жадности къ деньгамъ—онѣ идутъ къ нему, а не онъ за ними—«торгуетъ машинально» и всю жизнь сидитъ у дѣла, любя его въ сущности потому только, что можетъ начальствовать надъ приказчиками, дурачить покупателей и глумиться надъ ними; онъ староста въ церкви потому, что тамъ можно распоряжаться пѣвчими и «гнуть ихъ въ дугу», жертвуетъ, чтобы можно разыгрывать начальство, благотворителя... Въ крестьянствѣ, какъ видно изъ разсказа «Мужики», гнетущая безысходная нужда доводитъ людей до того, что сердце ихъ совершенно черствѣетъ, утрачивая всякую жалость; человѣка самаго близкаго цѣнятъ лишь постольку, поскольку онъ является «добычикомъ» для семьи; надорвался, одряхлѣлъ или заболѣлъ, не можетъ работать,—и онъ является лишь обузой для всѣхъ, его въ глаза подчасъ укоряютъ со злобой: не околѣваешь-де тамъ на печкѣ—«ледащій». Родная мать, въ сущности любящая и жалѣющая своего сына, не можетъ удержаться, чтобы при случаѣ не упрекнуть его, смертельно больного: на какія деньги будетъ хоронить его, когда онъ умретъ... Жизнь жуковцевъ, рисуемыхъ въ названномъ разсказѣ Чехова, тяжелая, тусклая; въ головѣ стояли скучныя, нудныя мысли о нуждѣ, о кормахъ, о томъ, что мука вздорожала, говорили о недоимкахъ, о томъ, что нѣтъ снѣга... не было даже душевнаго просвѣта

18183

въ религіи: «мало кто вѣрилъ, мало кто понималъ»... Религіозное чувство просыпалось лишь разъ въ годъ, когда по всему уѣзду изъ деревни въ деревню носили «Живоносную». «И старикъ, и бабка, и Кирьякъ—всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили плача: «Заступница, матушка, заступница! «Всѣ какъ будто бы вдругъ поняли, что между землей и небомъ не все пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжкой, невыносимой нужды, отъ страшной водки. «Заступница, матушка, рыдала Марья, матушка»!.. Но отслужили молебенъ, унесли икону, и все пошло по старому, и опять послышались изъ трактира грубые, пьяные голоса»... Характеристика мѣщанства, которую Чеховъ далъ въ своей повѣсти «Въ оврагѣ», оказывается не менѣе, если не болѣе, мрачною: и здѣсь царитъ глубокая, гнетущая тьма всякаго зла и безправія. «Живемъ мы хорошо, говоритъ Варвара о своемъ житьѣ-бытьѣ, всего у насъ много... Одно слово—живемъ, какъ купцы, только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, обижаемъ какъ—и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое,—у людей деготь лучше»... И на все, и про все одинъ отвѣтъ: «кто къ чему приставленъ»... Анисимъ занимается поддѣлкою и сбытомъ фальшивыхъ денегъ. Аксинья обвариваетъ кипяткомъ чужого ребенка, а затѣмъ выгоняетъ изъ дому мать его. Всѣ знаютъ, что она загубила сына Липы, но, такъ какъ она человѣкъ наглый и дерзкій, не останавливающійся ни передъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей, то осуждаютъ не ее, а мать, не уберегшую своего мальчика. Самоё Аксинью никогда не мучитъ совѣсть: «съ наивной улыбкой, красивая, счастливая», она представляетъ «большую силу» и пользуется всеобщимъ почетомъ въ своей средѣ. Ее всѣ боятся и дома, и въ селѣ, и на заводѣ... Когда она приходитъ на почту, то начальникъ почтоваго отдѣленія вскакиваетъ и говоритъ ей: «покорнѣйше прошу садиться, Ксенія Абрамовна»... Опредѣляющею, характер-

101083

ною чертою свѣтской чиновной среды, какъ показываетъ писатель въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка», является боязнь дѣйствительной жизни; здѣсь много читаютъ, ловко носятъ европейскій фракъ, но съ нѣжною, чисто азіатскою заботливостью оберегаютъ себя отъ голода, холода, физическаго напряженія, отъ боли и безпокойства, и оттого здѣсь мягко, уютно, тепло и удобно, и при всемъ томъ скучно, «бываетъ убійственно, безпросвѣтно скучно, какъ въ одиночной тюрьмѣ», и, чтобы спрятаться отъ этого врага, по восьми часовъ въ сутки играютъ въ карты... «Живая, свободная, бодрая мысль пытлива и властна; для лѣниваго празднаго ума она невыносима», и чтобы она не тревожила желаннаго покоя, въ свѣтѣ вооружаются смолоду проническимъ отношеніемъ къ жизни, «цинизмъ заглушаетъ боль». Говорятъ о религіи—иронія, говорятъ о философіи—иронія, о смыслѣ и цѣляхъ жизни—иронія, поднимаетъ кто вопросъ о народѣ—иронія... «Бога нѣтъ, и со смертью личность исчезаетъ совершенно; безсмертные существуютъ только во французской академіи. Истиннаго блага нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ наличность его обусловлена человѣческимъ совершенствомъ, а послѣднее есть логическая нелѣпость. Россія такая же скучная и убогая страна, какъ Персія. Интеллигенція безнадежна; она въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ людей неспособныхъ и никуда негодныхъ. Народъ же спился, облѣнился, изворовался и вырождается. Науки у насъ нѣтъ, литература неуклюжа, торговля держится на мошенничествѣ: «не обманешь, не продашь». И все въ такомъ родѣ, и *все смѣшно*»... Послѣднее произведеніе Чехова «Вишневый садъ» изображаетъ печальную картину разложенія одного изъ тѣхъ дворянскихъ гнѣздъ, которыя, по романамъ и повѣстямъ Тургенева, играли въ свое время въ русской жизни видную роль въ выработкѣ личнаго и общественнаго идеала: мягкими красками, но ярко рисуется въ этой пьесѣ непригодность къ жизни исторически сложившагося къ данному моменту общаго строя бытовыхъ и личныхъ отношеній традиціоннаго дворянскаго класса: «о мой милый, мой нѣжный,

прекрасный садъ, плачетъ по своему имѣнію Раневская: моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!» «Приходите всѣ смотрѣть, кричитъ подпившій малограмотный купецъ, котораго дѣдъ и отецъ были рабами въ погибающемъ «дворянскомъ гнѣздѣ», приходите смотрѣть, какъ Ермолай Лопахинъ хватитъ топоромъ по вишневому саду, какъ упадутъ на землю деревья! Настроимъ мы дачъ, и наши внуки и правнуки увидятъ тутъ новую жизнь... Музыка, играй!.. Отчего же, отчего вы меня не послушали?—обращается онъ съ горькимъ упрекомъ къ Раневской...—Бѣдная моя, хорошая, не вернешь теперь... Идетъ новый помѣщикъ, владѣлецъ вишневаго сада! За все могу заплатить»! Тутъ слышится глубокая идейная драма жизни на почвѣ рокового столкновенія двухъ прямо противоположныхъ житейскихъ міросозерцаній...

На общемъ тускломъ, мрачномъ фонѣ проходитъ въ произведеніяхъ Чехова рядъ отдѣльныхъ печальныхъ образовъ. Одни, подобно Иванову въ пьесѣ того же имени, признаются, что «въ двадцать лѣтъ мы всѣ уже герои, за все беремся, все можемъ, и къ тридцати уже утомляемся, никуда не годимся»... «Былъ я молодымъ, говоритъ Ивановъ, горячимъ, искреннимъ, неглупымъ; любилъ, ненавидѣлъ и вѣрилъ не такъ, какъ всѣ, работалъ и надѣялся за десятерыхъ, сражался съ мельницами, бился лбомъ объ стѣны; не соразмѣривъ своихъ силъ, не разсуждая, не зная жизни, я взвалилъ на себя ношу, отъ которой сразу захрустѣла спина и потянулись жилы; я спѣшилъ расходовать себя на одну только молодость, пьянѣлъ, возбуждался, работалъ, не зналъ мѣры. И скажи: можно ли было иначе? Вѣдь насъ мало, а работы много, много! Боже, какъ много! И вотъ, какъ жестоко мститъ мнѣ жизнь, съ которою я боролся! Надорвался я! Въ 30 лѣтъ уже похмелье, я старъ, я уже надѣлъ халатъ. Съ тяжелой головой, съ лѣнивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, безъ вѣры, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачѣмъ живу, чего хочу?»... Ивановъ кончаетъ самоубійствомъ. Другіе отдаются теченію жизни, и жизнь постепенно засасываетъ ихъ

въ тинѣ пошлости и мелочности... Яркими образами такого нравственнаго вырожденія и одичанія являются, напримѣръ, Старцевъ въ разсказѣ «Іонычъ» и Андрей Прозоровъ въ драмѣ «Три сестры». Іонычъ въ началѣ своей докторской карьеры пытается говорить съ обывателями о политикѣ, о наукѣ, о томъ, что человѣчество идетъ впередъ, что нужно трудиться, что безъ труда жить нельзя, но затѣмъ постепенно превращается въ заплывшаго жиромъ, тяжелаго, раздражительнаго человѣка, цѣликомъ ушедшаго въ ѣду и наживаніе капитала; «подъ воздѣйствіемъ общественной рутины заглохли и пропали въ душѣ Старцева, по замѣчанію проф. Овсянико-Куликовскаго [1]), немногія идеальныя начала, которыя въ ней были; погасли искорки душевной поэзіи; исчезли тѣ проблески нѣжности и то наитіе мечты, какіе пробивались сквозь толщу душевной прозы въ счастливую, но кратковременную пору его жизни, когда онъ былъ влюбленъ въ «Котика», дочь Туркина, глупенькую, пустую, но не лишенную поэзіи молодости дѣвушку»... Андрей Прозоровъ, по окончаніи курса въ университетѣ, «мечталъ и мыслилъ изящно», полонъ былъ высокихъ порывовъ и свѣтлыхъ благородныхъ надеждъ, думалъ заняться наукою, готовился къ профессурѣ, но, постепенно опускаясь до уровня своей супруги, представляющей воплощеніе пошлости и самодовольства, становится жалкимъ ничтожествомъ, безучастнымъ ко всему, противнымъ самому себѣ и неинтереснымъ для другихъ, пошлѣетъ до потери самоуваженія и порядочности: «тысячи народа поднимали колоколъ, говоритъ о братѣ Маша, потрачено было много труда и денегъ, а онъ вдругъ упалъ и разбился»... Чеховъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ рисуетъ во многихъ своихъ произведеніяхъ принижающую и развращающую человѣка атмосферу сытаго довольства, пошлыхъ разговоровъ, ничтожныхъ самолюбій, заботъ о себѣ одномъ, о своихъ мелкихъ интересахъ. Между тѣмъ оказывается не мало людей, которые другихъ условій жизни и не понимаютъ; они живутъ,

---

[1]) Вопросы психологіи творчества, ст. «А. П. Чеховъ», стр. 232.

какъ автоматы, мыслятъ по шаблону, повторяютъ и говорятъ прописныя, всѣмъ извѣстныя, истины. «Теперь май, говоритъ, напримѣръ, Ипполитъ Ипполитычъ въ разсказѣ «Учитель словесности», скоро будетъ настоящее лѣто. А лѣто не то, что зима. Зимой нужно печи топить, а лѣтомъ и безъ печей тепло. Лѣтомъ откроешь ночью окна, и все-таки тепло, а зимою двойныя рамы, и все-таки холодно... Въ одеждѣ спать нельзя. Отъ этого одежда портится. Спать надо въ постели, раздѣвшись... До сихъ поръ вы были неженаты и жили одни, а теперь вы женаты и будете жить вдвоемъ»... Даже въ предсмертномъ бреду этотъ Ипполитъ Ипполитычъ говорилъ лишь о томъ, что всѣмъ извѣстно: «Волга впадаетъ въ Каспійское море... Лошади кушаютъ овесъ и сѣно»... Рядомъ съ такимъ самодовольствомъ нравственной ограниченности наблюдается часто печальная дремота совѣсти или жалкая ложь духовнаго безсилія и ничтожества въ самоопредѣленіи и оправданіи передъ собою и другими своего дѣйствительнаго значенія... Такъ Лаевскій въ повѣсти «Дуэль», когда его попріятельски журятъ, «зачѣмъ онъ много пьетъ, зачѣмъ живетъ не по средствамъ и дѣлаетъ долги, зачѣмъ ничего не дѣлаетъ и не читаетъ, зачѣмъ онъ такъ мало культуренъ и мало знаетъ», вздыхая и горько улыбаясь, толкуетъ, что онъ въ этомъ отношеніи—«роковая жертва времени, вѣяній, наслѣдственности и проч.»; въ его глазахъ онъ —явленіе естественно-историческое: распутенъ, лживъ и гадокъ не онъ одинъ, а *мы*... «мы люди восьмидесятыхъ годовъ», «мы вялое, нервное отродье крѣпостного права», «насъ искалѣчила цивилизація»... «Онъ когда-то, во времена оны, всей душой былъ преданъ цивилизаціи, служилъ ей, постигъ ее насквозь, но она утомила, разочаровала, обманула его; онъ, видите-ли, Фаустъ, второй Толстой»... Такъ отзывается о немъ фонъ-Коренъ; но и самъ онъ въ концѣ концовъ, въ минуту просвѣтленія, признается себѣ наединѣ, что въ прошломъ у него нѣтъ, въ сущности, ничего, что не было бы порокомъ, и что онъ всю жизнь лишь лгалъ и лгалъ... «Гимназія? Университетъ? Но это обманъ. Онъ учился дурно и забылъ то, чему его учили. Слу-

женіе обществу? Это тоже обманъ, потому что на службѣ онъ ничего не дѣлалъ... Истина не нужна была ему, и онъ не искалъ ея; его совѣсть, околдованная порокомъ и ложью, спала или молчала; онъ, какъ чужой или напятой съ другой планеты, не участвовалъ въ общей жизни людей, былъ равнодушенъ къ ихъ страданіямъ, идеямъ, религіямъ, знаніямъ, исканіямъ, борьбѣ, онъ не сказалъ людямъ ни одного добраго слова, не написалъ ни одной полезной, непошлой строчки, не сдѣлалъ людямъ ни на одинъ грошъ, а только ѣлъ ихъ хлѣбъ, пилъ ихъ вино, жилъ ихъ мыслями и, чтобы оправдать свою презрѣнную, паразитную жизнь передъ ними и самимъ собою, всегда старался придавать себѣ такой видъ, какъ будто онъ выше и лучше ихъ. Ложь, ложь и ложь»... Есть люди, которые, подобно инженеру (Павлу Андреевичу) въ разсказѣ «Жена», при внѣшней культурности, руководятся и управляются въ своей жизни и дѣятельности мертвящимъ все кругомъ эгоизмомъ и ненавистничествомъ тщеславія: они «прекрасно образованы и воспитаны, очень честны, справедливы, съ правилами, но все это выходитъ у нихъ такъ, что, куда бы они ни вошли, всюду вносятъ какую-то духоту, гнетъ, что-то въ высшей степени оскорбительное, унизительное»; «идеи, идейно, идейность, идеалы, цѣль жизни, принципы»,—всѣ эти слова на устахъ у нихъ лишь для того, чтобы кого-нибудь унизить, обидѣть, сказать непріятность; оттого стоитъ подпустить ихъ близко къ дѣлу, чтобы погубить его въ первый же день... Съ виду они «какъ будто и настоящіе люди», говорятъ высоко и умно, а «душа, по выраженію Брагина, не настоящая,—силы въ ней нѣтъ»... «Совершенно равнодушные, лишенные всякаго чувства состраданія», они «не проходятъ мимо человѣческаго горя и вмѣшиваются изъ страха, что безъ нихъ могутъ обойтись. Для ихъ тщеславія нѣтъ ничего святого»... Павелъ Андреевичъ, по замѣчанію своей жены, «безпокоится» о голодающихъ уѣзда лишь оттого, что эти голодающіе обходятся безъ него и что земство и вообще всѣ помогающіе не нуждаются въ его руководительствѣ... Въ результатѣ всѣхъ подобныхъ явленій и настроеній, опредѣляющихъ въ

поэтическомъ представленіи Чехова общій характеръ условій развитія русской общественности, случается, какъ говоритъ ветеринарный врачъ въ разсказѣ «Крыжовникъ», «наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемѣріе, вранье,—между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ, громко возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами»... Правда, есть люди, не мирящіеся съ дѣйствительностью, желающіе лучшаго, болѣе совершеннаго, мечтающіе объ осуществленіи этого послѣдняго въ жизни, порывающіеся душою къ идеалу, люди съ чуткою совѣстью и жаждой общаго блага, но одной чуткой совѣсти и внутренней жажды добра мало: нужно умѣнье и силы, чтобы совершить свое призваніе въ жизни. И вотъ, этой-то силы и этого умѣнья Чеховъ мало видѣлъ кругомъ себя и неустанно взывалъ о нихъ къ общественной совѣсти: люди съ «хорошими стремленіями» рисуются въ его произведеніяхъ большею частью вялыми, неустойчивыми, сѣрыми натурами, которымъ только суждены, какъ сказалъ Некрасовъ, одни «благіе порывы, а свершить ничего не дано». При всей благонамѣренности и искренности своего желанія послужить идеямъ добра и правды, люди эти въ большинствѣ случаевъ оказываются совершенно несостоятельными въ осуществленіи и проведеніи въ жизнь своихъ благихъ начинаній: они то, подобно Кунину въ разсказѣ «Кошмаръ», искренно и горячо желая быть полезными обществу, съ увлеченіемъ задаваясь разными прекрасными въ идеѣ цѣлями по улучшенію окружающей жизни, не умѣютъ сплошь и рядомъ разглядѣть, какъ слѣдуетъ, дѣйствительности, понять ея скрытую и подчасъ горькую правду и ближайшихъ запросовъ, и съ ужасомъ и стыдомъ опускаютъ

безпомощно руки, когда неподозрѣваемая ими въ своей сытости нужда предстаетъ передъ ними во всей своей потрясающей наготѣ; то, какъ инженеръ Кучеровъ въ разсказѣ «Новая дача», бодро начавъ какое-нибудь хорошее дѣло съ мыслью внести, по мѣрѣ своихъ силъ, свѣтъ и довольство въ окружающую темноту и бѣдноту, быстро остываютъ и бросаютъ свое культурное предпріятіе, не выдержавъ трудности борьбы съ косностью, невѣжествомъ и недовѣріемъ среды, смущенные представившимися имъ по пути ихъ стремленій препятствіями и разочарованіями; то, какъ Лихаревъ въ разсказѣ «На пути», безпрерывно мѣняютъ одно благородное увлеченіе на другое, не зная, по своему признанію, во всю жизнь, что такое покой, изводя въ чаду увлеченія большія состоянія, принося одно горе и несчастье для всѣхъ, кто ихъ любитъ, и оказываясь въ концѣ концовъ, къ пятидесяти годамъ жизни, въ виду приближающейся старости, безъ пріюта, «какъ собака, которая отстала ночью отъ обоза». «Сегодня, говоритъ Лихаревъ, я вѣрую, падаю ницъ, а завтра ужъ я трусомъ бѣгу отъ сегодняшнихъ моихъ боговъ и друзей и молча глотаю подлеца, котораго пускаютъ мнѣ вслѣдъ... Природа вложила въ русскаго человѣка необыкновенную способность вѣровать, испытующій умъ и даръ мыслительства, но все это разбивается въ прахъ о безпечность, лѣнь и мечтательное легкомысліе»... Власичъ въ разсказѣ «Сосѣди» является человѣкомъ хорошимъ, честнымъ, съ благородными чувствами и добрыми порывами и стремленіями, съ жаждою подвига, или, по крайней мѣрѣ, готовностью на него, въ немъ чувствуется присутствіе какой-то силы, «и все это никому не въ пользу, ни себѣ, ни людямъ»: личность его характеризуется въ изображеніи Чехова тусклой неопредѣленностью внѣшности, наивностью и «простоватостью» въ практической жизни, безжизненной вялостью и томительною неподвижностью идейнаго содержанія. «Ни здоровья, ни красивыхъ мужественныхъ манеръ, ни свѣтскости, ни веселости, а такъ, съ внѣшней стороны, что-то тусклое и неопредѣленное. Одѣвается онъ безвкусно, обстановка у него унылая, поэзіи и живописи

онъ не признаетъ, потому что онѣ «не отвѣчаютъ на запросы дня», то есть онъ не понимаетъ ихъ; музыка его не трогаетъ. Хозяинъ онъ плохой... У него нѣтъ ни талантовъ, ни дарованій и нѣтъ даже обыкновенной способности жить, какъ люди живутъ. Въ практической жизни это—наивный, слабый человѣкъ, котораго легко обмануть и обидѣть, и мужики недаромъ называютъ его «простоватымъ»... Возмущается, негодуетъ и радуется онъ какъ-то все въ одну ноту, не эффектно и вяло. Даже въ минуты сильнаго воодушевленія онъ не поднимаетъ головы и остается сутулымъ. Но скучнѣе всего, что даже свои хорошія, честныя идеи онъ умудряется выражать такъ, что онѣ кажутся у него банальными и отсталыми. Вспоминается что-то старое, давно читанное, когда онъ медленно, съ глубокомысленнымъ видомъ начинаетъ толковать про честныя, свѣтлыя минуты, про лучшіе годы, или когда восторгается молодежью, которая всегда шла и идетъ впереди общества, или порицаетъ русскихъ людей за то, что они въ тридцать лѣтъ надѣваютъ халатъ и забываютъ завѣты своей almae matris. Когда остаешься у него ночевать, то онъ кладетъ на ночной столикъ Писарева или Дарвина. Если скажешь, что я это уже читалъ, то онъ выйдетъ и принесетъ Добролюбова... И въ настоящемъ, какъ и прежде, все онъ торопится, ищетъ подвига и суется въ чужія дѣла; попрежнему, при всякомъ удобномъ случаѣ длинныя письма и копіи, утомительные шаблонные разговоры объ общинѣ или о поднятіи кустарной промышленности или объ учрежденіи сыроваренъ, разговоры, похожіе одинъ на другой, точно онъ приготовляетъ ихъ не въ живомъ мозгу, а машиннымъ способомъ». Въ его волненіяхъ и страданіяхъ не видно ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ высшихъ цѣлей, а только одна скука и неумѣнье жить... Власичъ вѣритъ въ необыкновенную честность и непогрѣшимость своего мышленія и свои безконечныя недоразумѣнія и разочарованія объясняетъ лишь гнетомъ судьбы; онъ не сознаетъ, что всѣ его, такъ называемые, «подвиги» и идейные порывы представляютъ лишь безполезную трату силъ; другіе, какъ докторъ Астровъ въ пьесѣ «Дядя Ваня»,

съ горечью на душѣ признаются сами въ потерѣ всякой разумной цѣли, «путеводнаго огонька» въ жизни, и, какъ Войницкій, въ той же пьесѣ, тяжко страдаютъ отъ мертвящаго сознанія безплодности своего существованія, безсмысленности и безцѣльности своей жизненной дѣятельности... «Знаете, говоритъ Астровъ Соцѣ, когда идешь темною ночью по лѣсу, и если въ это время вдали свѣтитъ огонекъ, то не замѣчаешь ни утомленія, ни потемокъ, ни колючихъ вѣтокъ, которыя бьютъ тебя по лицу... Я работалъ—вамъ это извѣстно,—какъ никто въ уѣздѣ, судьба бьетъ меня не переставая, порой страдаю я невыносимо, но у меня вдали нѣтъ огонька. Я для себя уже ничего не жду»... Въ этихъ словахъ слышится глубокая, безпросвѣтная тоска по утраченному «путеводному огоньку» на жизненномъ пути, и не избыть человѣку этой тоски виномъ, въ которомъ ищетъ, повидимому, забвенія Астровъ. Отсюда и та потерянность и тотъ страхъ передъ дѣйствительностью, какими страдаетъ и мучится, напримѣръ, Силинъ въ разсказѣ «Страхъ»: человѣкъ «умный, добрый и искренній», онъ, по собственному признанію, не понимаетъ и боится жизни, боленъ боязнью жизни, какъ бываютъ иные люди больны боязнью пространства. «Страшны видѣнья, говоритъ онъ, тоскуя и волнуясь, но страшна и жизнь. Мнѣ все страшно... Я человѣкъ отъ природы неглубокій и мало интересуюсь такими вопросами, какъ загробный міръ, судьбы человѣчества, и вообще рѣдко уношусь въ высь поднебесную. Мнѣ страшна главнымъ образомъ обыденщина, отъ которой никто изъ насъ не можетъ спрятаться. Я неспособенъ различать, что въ моихъ поступкахъ правда и что ложь, и они тревожатъ меня; я сознаю, что условія жизни и воспитанія заключили меня въ тѣсный кругъ лжи, что вся моя жизнь есть не что иное, какъ ежедневная забота о томъ, чтобы обманывать себя и людей и не замѣчать этого, и мнѣ страшно отъ мысли, что я до самой смерти не выберусь изъ этой лжи. Сегодня я дѣлаю что-нибудь, а завтра ужъ не понимаю, зачѣмъ я это сдѣлалъ... Я вижу, что мы мало знаемъ и поэтому каждый день ошибаемся, бываемъ несправедливы, клевещемъ, заѣдаемъ

чужой вѣкъ, расходуемъ всѣ свои силы на вздоръ, который намъ не нуженъ и мѣшаетъ намъ жить, и это мнѣ страшно, потому что я не понимаю, для чего и кому все это нужно. Я не понимаю людей и боюсь ихъ... Никого и ничего я не понимаю»... Тоска по «путеводному огоньку» въ жизни, по идеалу, возвышаетъ людей въ родѣ Астрова надъ окружающею ихъ средою, но сама по себѣ она, конечно, не можетъ въ ихъ сознаніи дать жизни смыслъ и опредѣленное назначеніе, такъ сказать, зажечь желанный ими огонекъ... Отсутствіе разумной цѣли, общей идеи въ жизни и дѣятельности, отсутствіе, по выраженію писателя, «въ душѣ Бога» и составляетъ главный роковой недостатокъ и личное несчастіе хорошихъ людей Чехова, отнимая у нихъ или расшатывая ихъ волю, парализуя и обезцѣнивая въ ихъ собственныхъ глазахъ всѣ ихъ благіе порывы и начинанія... «Сколько бы я ни думалъ, разбирается въ своей душѣ старый профессоръ въ очеркѣ «Скучная исторія», и куда бы ни разбрасывалъ свои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго. Въ моемъ пристрастіи къ наукѣ, въ моемъ желаніи жить и въ стремленіи познать самого себя, во всѣхъ мысляхъ, чувствахъ и понятіяхъ, какія я составляю обо всемъ, нѣтъ чего-то общаго, что связывало бы все это въ одно цѣлое. Каждое чувство и каждая мысль живутъ во мнѣ особнякомъ, и во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о наукѣ, театрѣ, литературѣ, ученикахъ и во всѣхъ картинкахъ, которыя рисуетъ мое воображеніе, даже самый искусный аналитикъ не найдетъ того, что называется общей идеей, или богомъ живого человѣка. А коли нѣтъ этого, то, значитъ, нѣтъ и ничего. При такой бѣдности достаточно серьезнаго недуга, страха смерти, вліянія обстоятельствъ и людей, чтобы все то, что я прежде считалъ своимъ міровоззрѣніемъ и въ чемъ видѣлъ смыслъ и радость своей жизни, перевернулось вверхъ дномъ и разлетѣлось въ клочья. Ничего же поэтому нѣтъ удивительнаго, что послѣдніе мѣсяцы своей жизни я омрачилъ мыслями и чувствами, достойными раба и варвара, что теперь я равнодушенъ, не замѣчаю разсвѣта. Когда въ человѣкѣ нѣтъ того,

что выше и сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ вліяній, то, право, достаточно для него хорошаго насморка, чтобы потерять равновѣсіе и начать видѣть въ каждой птицѣ сову, въ каждомъ звукѣ слышать собачій вой. И весь его пессимизмъ или оптимизмъ съ его великими и малыми мыслями въ это время имѣетъ значеніе только симптома и больше ничего»... Этимъ обусловливаются крайняя шаткость началъ культурности и неустойчивость нравственнаго достоинства у людей съ хорошими стремленіями въ поэтическомъ представленіи Чехова. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Въ родномъ углу» Вѣра, мечтающая, «какъ это, должно быть, благородно, свято, картинно—служить народу, облегчать его муки, просвѣщать его», томится бездѣятельностью и въ то же время сторонится отъ дѣла, въ изобиліи представляемаго ей окружающею дѣйствительностью, то потому, что «она не выноситъ тяжелаго запаха избъ, кабацкой брани, немытыхъ дѣтей, бабьихъ разговоровъ о болѣзняхъ», не можетъ ходить по сугробамъ и зябнуть, то потому, что не можетъ учить мужицкихъ дѣтей, такъ какъ ей трудно полюбить ихъ, и «въ то время, какъ тетя Даша получаетъ доходъ съ трактировъ и штрафуетъ мужиковъ», то потому, что, напримѣръ, чтобы сдѣлаться врачемъ, «нужно держать экзаменъ по латинскому языку» и преодолѣть свое отвращеніе къ трупамъ и болѣзнямъ; въ раздраженіи на свою тетку и въ досадѣ на свое безсиліе, «куда дѣваться», что дѣлать и съ чего начать, на безсодержательность своей жизни, эта, тонко чувствующая, молодая, красивая, изящная дѣвушка, воспитанная въ институтѣ, говорящая на трехъ языкахъ, много читавшая и путешествовавшая, выписывающая журналы и книги, накидывается однажды въ какомъ-то дикомъ озлобленіи на растерявшуюся горничную, уронившую на коверъ во время уборки комнаты золотые часы съ комода: «вонъ отсюда!—крикнула Вѣра не своимъ голосомъ, вскакивая и дрожа всѣмъ тѣломъ.—Гоните ее вонъ, она меня замучила, продолжала она, быстро идя за Аленой по коридору и топоча ногами.—Вонъ!. Розогъ! Бейте ее!»... Эта дряблость воли, возможность каждую минуту потерять самообладаніе до

утраты элементарной культурности и полнаго забвенія собственнаго человѣческаго достоинства являются естественнымъ послѣдствіемъ отсутствія высшаго управляющаго и опредѣляющаго начала въ душѣ, именно того, что профессоръ называетъ «Богомъ живого человѣка»... И случай съ Вѣрой не единственный примѣръ въ произведеніяхъ Чехова; можно напомнить Машу въ «Моей жизни», Ивашина въ разсказѣ «Сосѣди», обзывающаго ни за что, ни про что верхового отъ Власича «скотиной», доктора Овчинникова въ разсказѣ «Непріятность», бьющаго фельдшера по лицу и др.

То, что писалъ Чеховъ о жизни и людяхъ, проникнуто глубокою скорбью; но значитъ-ли это, что онъ безнадежно смотрѣлъ на жизнь и людей? Такое заключеніе было бы ошибочнымъ. «Коли погибать міру, говоритъ въ безнадежномъ унынiи Мелитонъ въ разсказѣ «Свирѣль», такъ уже скорѣй бы. Нечего канителить и людей попусту мучить».—«Жалко, братушка, отзывается Лука Бѣдный: и, Боже, какъ жалко! Земля, лѣсъ, небо... тварь всякая—все вѣдь это сотворено, приспособлено, во всемъ умственность есть. Пропадаетъ все ни за грошъ. А пуще всего людей жалко...» Рисуя мрачныя картины нравственнаго одичанія, Чеховъ не терялъ вѣры въ лучшія стороны человѣческой души, видя въ нихъ залогъ свѣтлаго будущаго: «Богъ, говоритъ онъ въ «Разсказѣ старшаго садовника», радуется, когда вѣруютъ, что человѣкъ Его образъ и подобіе, и скорбитъ, если, забывая о человѣческомъ достоинствѣ, о людяхъ судятъ хуже, чѣмъ о собакахъ»; эта вѣра «воспитываетъ въ насъ великодушныя чувства и всегда побуждаетъ любить и уважать каждаго человѣка,—каждаго! А это важно...» Онъ вѣрилъ въ свѣтлое нравственное значеніе любви, какъ чего-то возвышеннаго, лучшаго и, можетъ быть, единственно цѣннаго въ личной жизни, что, хотя бы только разъ, какъ сонъ, мелькнувъ въ ней, какъ Наденькѣ въ разсказѣ «Шуточка», потомъ, при неясномъ даже воспоминаніи, заставляетъ сладко сжиматься и радостно биться сердце человѣка, и въ разсужденіяхъ о чемъ «нужно исходить отъ высшаго, отъ

болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, умъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе» («О любви»)... Нравственная прелесть любви, какъ беззавѣтнаго, безкорыстнаго альтруистическаго настроенія души, обусловленнаго внутреннею потребностью ея существа, сохранялась въ его поэтическомъ представленіи и подъ чувствительнымъ налетомъ житейской пошлости, какъ, напримѣръ, въ Оленькѣ въ разсказѣ «Душечка». Въ разсказѣ «Студентъ» Великопольскій разсказываетъ въ холодную весеннюю ночь, въ страстную пятницу, сидя у костра на огородахъ, двумъ простымъ женщинамъ о тоскѣ Христа въ Геѳсиманскомъ саду, о преданіи Его Іудою и объ отреченіи Петра въ такую же холодную весеннюю ночь и также у горѣвшаго костра,— Петра, который только что передъ тѣмъ готовъ былъ душу свою положить за своего учителя и который, когда свершилось его паденіе, «исшедъ вонъ, плакася горько» наединѣ въ тиши ночной; во время разсказа онъ подмѣчаетъ слезы и смущеніе у своихъ слушательницъ: «если Василиса заплакала, подумалъ онъ, а ея дочь смутилась, то, очевидно, то, о чемъ онъ только что разсказывалъ, что происходило девятнадцать вѣковъ назадъ, имѣетъ отношеніе къ настоящему,—къ обѣимъ женщинамъ, и, вѣроятно, къ этой пустынной деревнѣ, къ нему самому, ко всѣмъ людямъ. Если старуха заплакала, то не потому, что онъ умѣетъ трогательно разсказывать, а потому, что Петръ ей близокъ, и потому, что она всѣмъ своимъ существомъ заинтересована въ томъ, что происходило въ душѣ Петра. И радость вдругъ заволновалась въ его душѣ», всего нѣсколько минутъ передъ тѣмъ настроенной безнадежно и мрачно, подъ гнетомъ окружавшей его «лютой бѣдности», невѣжества, тоскливой пустынности и заброшенности... Онъ «думалъ о томъ, что правда и красота, направлявшія человѣческую жизнь тамъ, въ саду и во дворѣ первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, повидимому, всегда составляли главное въ человѣческой жизни, и вообще на землѣ, и чувство молодости,

здоровья, силы,—ему было только 22 года,—и невыразимо сладкое ожиданіе счастья, невѣдомаго, таинственнаго счастья, овладѣвали имъ мало по малу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокаго смысла»... Вѣра въ эту правду и красоту была неизмѣнной спутницей творческихъ замысловъ Чехова, какъ бы порою ни сгущались сумерки кругомъ его умственнаго взора. Какъ свѣтъ и тѣни, въ «Скучной исторіи» рядомъ съ извѣрившимся во всемъ, въ себѣ, людяхъ и жизни, и какъ-бы заживо умершимъ старымъ профессоромъ стоитъ полная жажды правды и страстно добивающаяся ея въ жизни сквозь всѣ ошибки и заблужденія Катя; найдетъ-ли она эту правду, это вопросъ другой, но она увѣрена, что правда эта есть и должна быть. «Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ, говоритъ Чеховъ въ повѣсти «Моя жизнь», ни казался мужикъ, идя за своей сохой, и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть то нужное и очень важное, чего нѣтъ, напримѣръ, въ Машѣ и докторѣ, а именно—онъ вѣритъ, что главное на землѣ—правда, и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость». Не вѣра ли въ любовь и милосердіе людей слышится и въ заключеніи полной тяжелыхъ картинъ нравственнаго паденія повѣсти «Мужики», въ возгласѣ осиротѣлыхъ Ольги и Саши: «православные христіане, подайте милостыню Христа ради!..» Со словами любви и прощенія на устахъ и жалостью къ людямъ въ сердцѣ является въ одичавшую купеческую среду въ повѣсти «Три года» Юлія Лаптева, и искреннимъ тономъ рѣчей своихъ успѣваетъ тронуть предубѣжденнаго старика-отца своего мужа, Ѳедора Степановича... Въ разсказѣ «Въ оврагѣ» съ появленіемъ въ семьѣ Цыбукиныхъ сердечной, правдивой и доброй Варвары «все просвѣтлѣло въ домѣ, точно во всѣ окна были вставлены новыя стекла»; въ ея милостынѣ сразу повѣяло чѣмъ-то новымъ, веселымъ и легкимъ въ удушливой атмосферѣ царившаго кругомъ безобразія, гру-

бости и нравственной дикости. «Когда въ заговѣнье или престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солонину съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около бочки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женины платки, когда въ грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой, и грѣхъ, казалось, сгустившись, уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли, что тамъ, въ домѣ, есть тихая, опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солонины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостные, туманные дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ»... Тихой, кроткой Липѣ становится страшно въ домѣ свекра, среди всякаго зла и грѣха: «и зачѣмъ ты отдала меня сюда, маменька», говоритъ она безсонною ночью матери.—«Замужъ нужно идти, дѣточка. Такъ уже не нами положено». «И чувство безутѣшной скорби, замѣчаетъ авторъ, готово было овладѣть ими. Но, казалось имъ, кто-то смотритъ съ высоты неба, изъ синевы, оттуда, гдѣ звѣзды, видитъ все, что происходитъ въ Уклеевѣ, сторожитъ. И какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью... И обѣ (мать и дочь), успокоенныя, прижавшись другъ къ другу, уснули»... «Твое горе съ полъ-горя», утѣшаетъ Липу, плачущую по своемъ умершемъ сынѣ, жертвѣ людской злобы, старикъ, вызвавшійся подвезти ее по пути, когда она съ мертвымъ ребенкомъ шла ночью изъ больницы въ Уклеево. «Жизнь долгая,—будетъ еще и хорошаго, и дурного, всего будетъ. Велика матушка Россія! сказалъ онъ и поглядѣлъ въ обѣ стороны». Иными словами, въ «оврагѣ», въ Уклеевѣ, живется тяжело, дышится трудно, но *Россія велика*, не въ одномъ «оврагѣ» сошлась... Въ послѣднемъ произведеніи Чехова «Вишневый садъ» особенно много такихъ свѣтлыхъ штриховъ въ общей грустной картинѣ, рисуемой въ этой пьесѣ авто-

ромъ [1]). Раневская, напримѣръ, при всемъ своемъ непростительномъ легкомысліи, являющемся въ значительной степени недостаткомъ характера наслѣдственнаго, рокового, при всемъ своемъ непониманіи условій реальной жизни, невольно располагаетъ къ себѣ въ изображеніи автора своимъ любящимъ сердцемъ, «хорошей, чистой душой». Аня справедливо называетъ ее «милой, доброй, прекрасной». Въ прошломъ ея мало свѣтлаго, отраднаго: мужъ надѣлалъ долговъ и умеръ отъ шампанскаго, единственный сынъ утонулъ, любимый человѣкъ обобралъ и бросилъ; но въ сердцѣ нѣтъ злобы, оно, по прежнему, дышетъ любовью и миромъ; она одна думаетъ о старомъ Фирсѣ, она отдаетъ послѣднія деньги пришедшимъ проститься съ нею крестьянамъ, она любезна, какъ всегда, къ Лопахину, и послѣ того, какъ онъ отнялъ у нея завѣтное ихъ помѣстье и не женился на Варѣ; въ ея трогательномъ смиреніи въ несчастьѣ есть своего рода нравственная сила, какъ залогъ возможнаго лучшаго будущаго, коренящаяся въ сознаніи человѣкомъ своей вины, своего заблужденія, и, можетъ быть, въ чутьѣ, хотя бы и безсознательномъ, нарождающихся новыхъ запросовъ и вѣяній жизни... Гаевъ, такъ же, какъ и его сестра, человѣкъ съ чистой душой, только подавленъ нелѣпостью воспитанія и сознаніемъ своей непригодности. Варя заѣдена безплодной борьбой съ нелѣпыми обстоятельствами раззоряющейся барской семьи, но дѣвушка любящая и полная внутренней потребности труда... «Облѣзлый баринъ», «вѣчный студентъ» Трофимовъ, при нѣкоторой смутности своего идеализма, стоитъ на вѣрномъ пути, сознавая, что «надо перестать восхищаться собой, надо бы только работать»... Онъ исповѣдуетъ, что «человѣчество идетъ впередъ, совершенствуя свои силы», и что «все, что недосягаемо для него теперь, когда нибудь станетъ близкимъ, понятнымъ, только... надо помогать всѣми силами тѣмъ, кто ищетъ истину»... Чеховъ скорбѣлъ не о

[1]) Ср. *Ѳ. Д. Батюшковъ*, «Предсмертный завѣтъ А. П. Чехова»: «Міръ Божій», 1904 г., авг., отд. II, стр. 1—12.

томъ, что нѣтъ правды въ людяхъ и красоты въ жизни, а о томъ, что эта правда и красота глохнутъ и вянутъ, какъ какой нибудь пустоцвѣтъ, въ наличной дѣйствительности отъ человѣческаго безволія и «безсмертной», по выраженію Тютчева, «пошлости людской». Красота въ дѣйствительности случайна, какъ дорожныя встрѣчи въ разсказѣ «Красавицы», «не нужна и, какъ все на землѣ, не долговѣчна», или не замѣчается людьми, теряется въ суетѣ мишурныхъ утѣхъ жизни и нерѣдко до времени гибнетъ отъ людского непониманія и неумѣнія цѣнить и дорожить ею; такъ умираетъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Попрыгунья» докторъ Дымовъ, «добрая, чистая, любящая душа,—не человѣкъ, а стекло,» необыкновенная нравственная сила, крупное научное дарованіе, и нѣжно, беззавѣтно—самоотверженно и великодушно любимая имъ жена его, постоянно, всю жизнь, искавшая знакомствъ и сближенія съ разными болѣе или менѣе замѣчательными людьми и, въ увлеченіи нѣкоторыми знаменитостями сомнительнаго свойства, свысока смотрѣвшая на мужа, какъ на человѣка, «простого и обыкновеннаго», не умѣвшая и не желавшая никогда войти въ его внутренніе духовные интересы, поняла и оцѣнила, «какой въ самомъ дѣлѣ необыкновенный, рѣдкій, и, въ сравненіи съ тѣми, кого она знала, великій человѣкъ» жилъ подлѣ нея и съ нею, когда его уже не стало и когда исправить роковую ошибку жизни было уже поздно... Вотъ гдѣ таился, повидимому, глубокій источникъ грусти Чехова, но онъ вѣрилъ въ конечную побѣду добра. Сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ отдѣльнымъ людямъ и обществу и своей отвѣтственности за нестроеніе общественной жизни не пустая мечта: чувство общей солидарности опредѣляется писателемъ, какъ безусловное нравственное требованіе: «надо, говоритъ ветеринарный врачъ въ разсказѣ «Крыжовникъ», чтобы за дверью каждаго довольнаго, счастливаго человѣка стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что, какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно

покажетъ ему свои когти, стрясется бѣда—болѣзнь, бѣдность, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ»; сознаніе отвѣтственности каждаго за всѣхъ, какъ залогъ совершенствованія общественныхъ отношеній, признается Чеховымъ и въ дѣйствительности, какъ положительный элементъ истинно-человѣческой жизни: такъ, судебнаго слѣдователя Лыжина въ разсказѣ «По дѣламъ службы» и во снѣ не оставляетъ мысль объ этой отвѣтственности; ему, спящему въ теплой уютной комнатѣ, въ мягкой постели, мерещатся самоубійца Лѣсницкій, лежащій четвертыя сутки въ земской избѣ въ ожиданіи судебнаго вскрытія, и сотскій, встрѣченный имъ въ мятель по колѣна въ снѣгу на пути за четыре версты къ старостѣ съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ слѣдователя съ докторомъ,—и въ завываніи кружившей за окномъ мятели ему слышалось пѣніе ихъ обоихъ, идущихъ въ полѣ бокъ о бокъ по снѣжнымъ сугробамъ, поддерживая другъ друга: «мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Вы въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, мятель, по глубокому снѣгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей... У-у-у! Мы идемъ, мы идемъ»... Этотъ сонъ не даетъ ему покоя; онъ задумывается надъ тою «невидимой, но значительной и необходимой» связью, которая существуетъ между всѣми, всѣми. «То, что они пѣли, и раньше приходило ему въ голову, но эта мысль сидѣла у него какъ-то позади другихъ мыслей и мелькала робко, какъ далекій огонекъ въ туманную погоду. И онъ чувствовалъ, что это самоубійство и мужицкое горе лежитъ и на его совѣсти; мириться съ тѣмъ, что эти люди, покорные своему жребію, взвалили на себя самое тяжелое и темное въ жизни, какъ это ужасно! Мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой, шумной жизни среди счастливыхъ довольныхъ людей и постоянно мечтать о такой жизни—это значитъ мечтать о новыхъ самоубійствахъ людей, задавленныхъ трудомъ и заботой, или людей слабыхъ, заброшенныхъ... И опять мы идемъ, мы идемъ,

мы идемъ»... Лебединая пѣсня Чехова, его предсмертный завѣтъ, «Вишневый садъ» имѣетъ нѣкоторое символическое значеніе по отношенію къ его поэтическому міросозерцанію: и въ душѣ у людей порой цвѣтетъ свой *вишневый садъ*, завѣтный, дорогой; мало человѣку его высоко цѣнить, какъ цѣнятъ Раневская и Гаевъ свой садъ, говоря, что онъ представляетъ замѣчательность всей губерніи и упоминается въ «Энциклопедическомъ словарѣ,»—нужно умѣть его сберечь въ цѣлости и неприкосновенности и использовать, какъ слѣдуетъ... Несчастье и бѣда въ томъ, что большинство изъ насъ «у Бога приживалы», какъ говоритъ старая няня въ «Дядѣ Ванѣ», или «недотепы», по выраженію Фирса въ «Вишневомъ садѣ»... «Чтобы начать жить въ настоящемъ, говоритъ студентъ Трофимовъ, надо сначала искупить наше прошлое, покончить съ нимъ, а искупить его можно только страданіемъ, только необычайнымъ, непрерывнымъ трудомъ»... «Мы насадимъ новый садъ, роскошнѣе этого, утѣшаетъ Аня свою мать, ты увидишь его, поймешь, и радость тихая, глубокая радость опустится на твою душу, какъ солнце въ вечерній часъ, и ты улыбнешься, мама... Я подготовлюсь, выдержу экзаменъ въ гимназіи и потомъ буду работать, тебѣ помогать. Мы, мама, будемъ вмѣстѣ читать разныя книги... прочтемъ много книгъ, и передъ нами откроется новый, чудесный міръ». Въ этомъ дѣтскомъ лепетѣ отдаленный благовѣстъ спасенія: надо искать свѣта и правды и работать... Тогда, если судьба и откажетъ въ личномъ счастьѣ, будетъ, въ чемъ найти нравственное удовлетвореніе: «мы отдохнемъ, говоритъ Соня въ «Дядѣ Ванѣ»; мы услышимъ ангеловъ, мы увидимъ все небо въ алмазахъ, мы увидимъ, какъ все зло земное, всѣ наши страданія потонутъ въ милосердіи, которое наполнитъ собою весь міръ, и наша жизнь станетъ тихою, нѣжною, сладкою, какъ ласка»... Если въ этой тирадѣ слышится нѣкоторая восторженно—мистическая нота, соотвѣтственно переживаемому говорящимъ лицомъ душевному состоянію въ данный моментъ, то въ словахъ Ольги въ пьесѣ «Три сестры»

вполнѣ положительное содержаніе: «пройдетъ время, и мы уйдемъ навѣки, насъ забудутъ, забудутъ наши лица, голоса и сколько насъ было, но страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насъ, счастье и миръ настанутъ на землѣ, и помянутъ добрымъ словомъ и благословятъ тѣхъ, кто живетъ теперь»... Предсмертный завѣтъ Чехова далекъ отъ того, чтобы вселять уныніе: это бодрый призывъ къ дѣятельной, цѣлесообразной и плодотворной работѣ въ направленіи къ довершенію культуры на почвѣ сознанія своихъ несовершенствъ и заблужденій и вѣры въ конечное торжество правды, красоты и любви къ ближнему. Что эта мысль о грядущемъ «золотомъ вѣкѣ» на землѣ, которымъ долженъ увѣнчаться прогрессъ, принадлежитъ самому Чехову и ему въ данномъ случаѣ не навязываются насильно разсужденія разныхъ Вершининыхъ и Астровыхъ, отнюдь имъ самимъ не раздѣляемыя, въ томъ удостовѣряетъ уже та настойчивость, съ какою онъ повторяетъ эту мысль устами разнородныхъ и разнообразныхъ дѣйствующихъ лицъ въ своихъ произведеніяхъ; но есть и болѣе прямыя доказательства, что таково было дѣйствительно убѣжденіе самого писателя. Въ одномъ письмѣ своемъ 1894 года Чеховъ довольно опредѣленно и рѣшительно выражается по данному вопросу: «я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда меня перестали драть, была страшная [1])»... Купринъ въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ разсказываетъ [2]), что Чеховъ часто, ухаживая за цвѣтами и деревьями въ своемъ ялтинскомъ садикѣ, мечталъ о томъ, какъ хороша будетъ жизнь «черезъ тристачетыреста лѣтъ»... «Вѣдь здѣсь до меня былъ пустырь,

---

[1]) Изъ писемъ А. С. Суворину, «Новое Время», 1894 г. См. объ этомъ *Ѳ. Батюшковъ*, «А. П. Чеховъ, по воспоминаніямъ о немъ и письмамъ (опытъ характеристики)» въ сборникѣ «На памятникъ Чехову», 1906 г., стр. 24 и слѣд.

[2]) «Памяти Чехова», изд. Общ. любит. Росс. слов. 1906 г., стр. 104.

часто говорилъ Чеховъ, глядя на свой садъ, и нелѣпые овраги, всѣ въ камняхъ и въ чертополохѣ. А я вотъ пришелъ и сдѣлалъ изъ этой дичи культурное, красивое мѣсто. Знаете ли, прибавлялъ онъ вдругъ съ серьезнымъ лицомъ, тономъ глубокой вѣры,—знаете ли, черезъ триста, четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цвѣтущій садъ. И жизнь будетъ тогда необыкновенно легка и удобна»... Почти тоже говоритъ и Вершининъ въ пьесѣ «Три сестры»: «какая разница между тѣмъ, что̀ есть и что̀ было! А пройдетъ еще немного времени, какихъ нибудь двѣсти-триста лѣтъ, и на нашу теперешнюю жизнь такъ-же будутъ смотрѣть и со страхомъ, и съ насмѣшкой... О, навѣрное, какая это будетъ жизнь!.. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ теперь, работаемъ, ну страдаемъ, мы творимъ ее—и въ этомъ одномъ цѣль нашего бытія и, если хотите, наше счастье»... По словамъ Куприна, Чеховъ также говорилъ, любуясь своимъ ялтинскимъ садикомъ, возникшимъ на дикомъ пустырѣ: «при мнѣ здѣсь посажено каждое дерево, и, конечно, мнѣ это дорого»... Онъ вѣрилъ, что человѣческій геній и трудъ путемъ упорныхъ усилій и борьбы расчистятъ почву для счастливой жизни всего человѣчества, вѣрилъ въ конечную красоту и широту человѣческой жизни. Глубокое заблужденіе, находилъ онъ, будто бы человѣку нужно только три аршина земли: «три аршина нужно трупу, а не живому человѣку; человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, чтобы на просторѣ онъ могъ проявить свои свойства и особенности своего свободнаго духа». «Разсчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, писалъ Чеховъ въ томъ-же письмѣ 1894 года, о которомъ упоминалось выше, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса». Въ этомъ Чеховъ рѣшительно разошелся съ «толстовствомъ», къ которому было одно время тяготѣлъ. Такимъ образомъ вѣра въ лучшее будущее, въ то, что грядущая, созидаемая трудомъ и страданіями настоящаго поколѣнія, истинная

культура облагородитъ человѣчество, дастъ ему счастье и свободу, была не только исповѣданіемъ тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ лицъ въ произведеніяхъ Чехова,— она было сердечной вѣрой самого поэта. Душевный реактивъ, силою котораго творилъ Чеховъ,—«это, какъ замѣтилъ проф. Овсянико-Куликовскій [1]), именно *унылая скорбь*, внушаемая созерцаніемъ современной жизни и изслѣдованіемъ души современнаго человѣка, и, все яснѣе сказывающееся въ произведеніяхъ конца 90-хъ годовъ, *художественное прозрѣніе* въ лучшее будущее, можетъ быть, далекое, для насъ недоступное, и, наконецъ, рядомъ съ этимъ прозрѣніемъ, робко-радостное, едва мерцающее, какъ бы *предчувствіе* грядущихъ поколѣній—счастливыхъ, переросшихъ все узкое, все пошлое и мелкозлобное, что такъ обезображиваетъ душу человѣка, и живущихъ полною, широкою жизнью ума и чувства»...

Я намѣтилъ, конечно, лишь нѣкоторыя наиболѣе характерныя стороны поэтическаго міросозерцанія Чехова и въ формѣ изложенія описательной: полную исчерпывающую характеристику содержанія его произведеній и критическое опредѣленіе сущности его творчества и общаго смысла его литературной дѣятельности было бы трудно сдѣлать въ бѣгломъ очеркѣ, и не столько по обширности и сложности подлежащаго изученію матеріала въ количественномъ отношеніи, сколько по разнообразію оттѣнковъ въ освѣщеніи писателемъ въ разныхъ своихъ произведеніяхъ основныхъ опредѣляющихъ мотивовъ своихъ художественныхъ интересовъ въ жизни; однообразіе сюжетовъ, которое иные видятъ у Чехова, только кажущееся, и трудность критическаго анализа ихъ основного опредѣленія увеличивается отсутствіемъ у автора крупныхъ произведеній, которыя могли бы имѣть значеніе обобщающихъ разбросанныя здѣсь и тамъ въ отдѣльныхъ небольшихъ разсказахъ характерныя черты его художественнаго міро-

---

[1]) Вопросы психологіи творчества, стр. 217.

воззрѣнія. Добавлю къ сказанному нѣсколько замѣчаній о дѣтскихъ образахъ въ произведеніяхъ Чехова: онъ нерѣдко останавливался въ своихъ разсказахъ на дѣтяхъ и писалъ о нихъ съ большою любовью и нѣжностью, съ глубокимъ проникновеніемъ въ дѣтскую душу и замѣчательнымъ ея пониманіемъ, съ тихимъ умиленіемъ передъ ея чистотою и ясностью... Общій основной тонъ поэтическаго представленія дѣйствительности и здѣсь грустный; красота и здѣсь не долговѣчна: жизнь и люди туманятъ дѣтскій свѣтлый взоръ, холодятъ и черствятъ сердце, оскорбляютъ вѣру и безпощадно разрушаютъ непосредственность жизненныхъ отношеній. Такъ, въ разсказѣ «Отецъ семейства» Ѳедю, «семилѣтняго мальчика съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ», съ утра, послѣ большого проигрыша наканунѣ, пасмурно настроенный отецъ безвинно бранитъ и жестоко попрекаетъ за обѣдомъ: «ты знаешь, мерзкій мальчишка, сколько ты мнѣ стоишь? Или ты думаешь, что я деньги фабрикую, что мнѣ достаются онѣ даромъ? Не ревѣть! Молчать!.. Хочешь, чтобъ я тебя, подлеца этакаго, высѣкъ»?.. Гришу, которому нѣтъ еще трехъ лѣтъ, нянька тайкомъ отъ родителей заводитъ во время прогулки съ собою въ гости къ какой-то «кухаркѣ»: онъ видитъ, какъ «двѣ женщины и человѣкъ съ свѣтлыми пуговицами чокаются и пьютъ по нѣскольку разъ, и человѣкъ обнимаетъ то няньку, то кухарку»; кухарка даетъ и ему отхлебнуть изъ своей рюмки: «онъ таращитъ глаза, морщится, кашляетъ и долго потомъ машетъ руками, а кухарка глядитъ на него и смѣется»... У Васи Путохина въ разсказѣ «Старый домъ» отецъ пропиваетъ пальто, «сшитое изъ суконнаго платья покойной матери», а вмѣстѣ съ тѣмъ «и синій карандашъ, лежавшій въ боковомъ карманѣ, и записную книжку съ золотыми буквами: «Nota bene», въ которой былъ «засунутъ другой карандашикъ съ резинкой», и, кромѣ того, лежали «переводныя картинки»; онъ боится плакать, потому что отецъ «съ похмелья дерется ужасно»,—и «мычитъ» и ломаетъ руки, «глаза его безумны, и лицо искривлено отчаяніемъ»... Въ разсказѣ «Лишніе

люди» членъ окружного суда Зайкинъ, пріѣхавъ изъ города на дачу, находитъ дома одного только своего сына, шестилѣтняго мальчика Петю, занятаго вырѣзываніемъ изъ карты бубноваго валета, и узнаетъ отъ него, что мама «поѣхала съ Ольгой Кирилловной на репетицію играть театръ», взявъ съ собою Наталью, а «Акулина пошла въ лѣсъ за грибами», что «обѣдать сегодня не варили», а для него «купили молока на шесть копѣекъ»; голодный и раздосадованный отецъ сердится на ребенка, засыпывающаго его разными простодушными, наивными вопросами, придирается къ нему, грозитъ его «высѣчь», «уши оборвать», и раздражаетъ мальчика, мирно передъ тѣмъ игравшаго, доведя его до слезъ. «Да ты что бранишься? визжитъ Петя. Что ты ко мнѣ присталъ, дуракъ? Я никого не трогаю, не шалю, слушаюсь, а ты... сердишься! Ну, за что ты меня бранишь»?.. Опомнившись, отецъ приласкалъ сына, и они помирились, но тѣмъ не менѣе незаслуженная обида была пережита ребенкомъ... Въ разсказѣ «Житейская мелочь» Алешу, мальчика лѣтъ восьми, довѣрчиваго, какъ дитя, не знавшаго лжи, взрослый человѣкъ грубо обманываетъ, коварно вывѣдывая у него и безжалостно выдавая затѣмъ его завѣтную тайну. Дѣти безпомощно «недоумѣваютъ» и, какъ Егорушка въ «Степи», часто томятся одиночествомъ въ жизни. Жизнь въ поэтическомъ представленіи Чехова не щадитъ, искажаетъ и обижаетъ дѣтей, но то трогательное сочувствіе, съ какимъ писатель воспроизводилъ дѣтскій міръ, свидѣтельствуетъ, что онъ въ своей скорби вѣрилъ въ возможность возрожденія людей настоящаго къ жизни новой, лучшей, съ измѣненіемъ общественныхъ условій развитія присущихъ душѣ человѣка началъ добра и правды. Дѣтскіе образы у Чехова свободны отъ ложной, слащавой идеализаціи: мальчикъ въ разсказѣ «На Страстной недѣлѣ», идя въ церковь на исповѣдь, видитъ, что на задкѣ извозчичьей пролетки повисли два уличныхъ мальчика, и ему хочется присоединиться къ нимъ; въ церкви, стоя уже у ширмы, за которою идетъ исповѣдь, онъ затѣиваетъ ссору и дерется съ другимъ мальчикомъ, желая раньше его пройти къ священнику; Митька, его соперникъ,

мальчикъ «съ маленькими, очень злыми глазами», «забіяка, разбойникъ, хватающій съ лотковъ у торговокъ яблоки»; въ разсказѣ «Зиночка» мальчикъ подглядываетъ свиданіе своей гувернантки съ старшимъ братомъ и потомъ всячески тѣшится и издѣвается надъ ними, давая имъ при каждомъ удобномъ случаѣ чувствовать, что владѣетъ ихъ тайной и что они находятся въ зависимости отъ его великодушія, пользуется ихъ стѣснительнымъ положеніемъ, не уча уроковъ, ходя въ классной «вверхъ ногами» и говоря дерзости запуганной его вызывающимъ поведеніемъ гувернанткѣ; въ разсказѣ «Злой мальчикъ» гимназистъ Коля, находясь въ подобныхъ условіяхъ, требуетъ за сохраненіе чужой тайны денегъ, нагло вымогаетъ подарки... Но дѣтство въ самомъ себѣ имѣетъ и залогъ искупленія и душевнаго мира и отрады... Дѣтскій міръ въ представленіи Чехова ясенъ вѣрою, святъ чистотою сердца и помысла, силенъ правдой и любовью. Дѣвочка Саша въ повѣсти «Мужики», глядя на небо, видитъ, какъ «маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками—мелькъ, мелькъ, будто комарики», и вѣритъ, что «въ церкви Богъ живетъ», «ночью ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай угодничекъ—тупъ, тупъ, тупъ»; дѣти въ «Старомъ домѣ» глубоко убѣждены «въ томъ, что на этомъ свѣтѣ все обстоитъ благополучно и такъ будетъ безъ конца, стòитъ только по утрамъ и ложась спать молиться Богу»... Въ разсказѣ «На Страстной недѣлѣ» тотъ же самый мальчикъ, которому по дорогѣ на исповѣдь хотѣлось пошалить и который подрался у ширмы исповѣдника, стоя въ церкви и видя большое распятіе съ Божіей Матерью и Іоанномъ Богословомъ по сторонамъ въ тускломъ мерцаніи теплившихся лампадъ, переживаетъ высокое религіозное настроеніе съ сознаніемъ своей грѣховности и ничтожества и съ порывомъ любви и милосердія. «Богородица и любимый ученикъ Іисуса Христа, изображенные въ профиль, разсказываетъ онъ, молча глядятъ на невыносимыя страданія и не замѣчаютъ моего присутствія; я чувствую, что для нихъ я чужой, лишній, незамѣтный, что не могу помочь имъ ни словомъ, ни дѣломъ,

что я отвратительный, безчестный мальчишка, способный только на шалости, грубости и ябедничество. Я вспоминаю всѣхъ людей, какихъ только я знаю, и всѣ они представляются мнѣ мелкими, глупыми, злыми и неспособными хотя бы на одну каплю уменьшить то страшное горе, которое я вижу; церковныя сумерки дѣлаются гуще и мрачнѣе, и Божія Матерь съ Іоанномъ Богословомъ кажутся мнѣ одинокими»... А послѣ исповѣди и на другой день передъ причастіемъ ему такъ легко и радостно на душѣ, церковныя сумерки уже не кажутся такими мрачными, какъ прежде, лица Богородицы и Іоанна Богослова не такъ печальны, «и, кажется, все прошлое предано забвенію, все прощено»... Какою трогательною довѣрчивостью къ жизни, вѣрою въ добро и правду въ ней, несмотря на горькую долю въ настоящемъ, проникнуто письмо Ваньки Жукова къ своему дѣдушкѣ: девятилѣтній мальчикъ живетъ въ обученіи у сапожника, терпитъ изо дня въ день голодъ и побои, но увѣренъ, что горе не трудно избыть, только бы подать вѣсточку о своемъ житьѣ-бытьѣ дѣдушкѣ: «нѣтъ у меня ни отца, ни маменьки, пишетъ онъ, только ты у меня остался... Милый дѣдушка, сдѣлай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нѣту никакой моей возможности. Я буду тебѣ табакъ тереть, Богу молиться, а если что, ты сѣки меня, какъ Сидорову козу. А ежели думаешь, должности мнѣ нѣту, то я Христа ради попрошусь къ приказчику сапоги чистить, али замѣсто Ѳедьки въ подпаски пойду... Хотѣлъ было пѣшкомъ на деревню бѣжать, да сапоговъ нѣту, морозу боюсь. А когда выросту большой, то за это самое буду тебя кормить и въ обиду никому не дамъ, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно какъ за мамку Пелагею... Милый дѣдушка, а когда у господъ будетъ елка съ гостинцами (письмо писано подъ Рождество), возьми мнѣ золоченый орѣхъ и въ зеленый сундукъ спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи — для Ваньки... Пріѣзжай, милый дѣдушка,—Христомъ Богомъ тебя молю, возьми меня отседа. Пожалѣй ты меня, сироту несчастную, а то меня всѣ колотятъ и кушать страшно хо-

чется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу... А еще кланяюсь Аленѣ, кривому Егоркѣ и кучеру, а гармонію мою никому не отдавай. Остаюсь твой внукъ Иванъ Жуковъ, милый дѣдушка, пріѣзжай»... Письмо бѣднаго мальчика не дойдетъ до дѣдушки, такъ какъ было опущено въ почтовый ящикъ съ слишкомъ неопредѣленнымъ адресомъ: «На деревню дѣдушкѣ Константину Макарычу», но Ванька, отправивъ его, доволенъ, и, заснувъ, часъ спустя, видитъ во снѣ родную деревню, своего дѣда, сидящаго на печкѣ, свѣсивъ ноги; и читающаго письмо внука кухаркамъ, около печки собаку Вьюна, вертящаго хвостомъ... Ребенку, конечно, не избыть недѣтскаго горя—оно лежитъ на совѣсти взрослыхъ... Дѣтское сердце дышетъ любовью и жалостью, которая, по замѣчанію Чехова въ разсказѣ «Морозъ», какъ ничто другое, приближаетъ людей къ Богу... Въ разсказѣ «Дома» отецъ, прокуроръ суда, узнавъ отъ гувернантки, что его сынъ Сережа, семилѣтній мальчикъ, два раза былъ замѣченъ въ куреніи, старается дать ему понять, какъ нехорошо и вредно курить; прежде всего онъ указываетъ мальчику, что онъ не имѣетъ права ходить въ чужой столъ и брать табакъ, который ему не принадлежитъ: «у тебя, говоритъ онъ, есть лошадки и картинки... вѣдь я ихъ не беру? Можетъ быть, я и хотѣлъ бы взять, но... вѣдь онѣ не мои, а твои»! Но всѣ эти доводы о неприкосновенности собственности оказываются ни мало не убѣдительными и разбиваются о дѣтское великодушіе...—«Возьми, если хочешь! сказалъ Сережа, поднявъ брови. Ты, пожалуйста, папа, не стѣсняйся, бери»...Неудачною оказалась и попытка убѣдить мальчика въ томъ, что онъ дурно поступилъ, указаніемъ на вредъ куренія для его слабой, не окрѣпшей груди, но, когда отецъ разсказалъ сказку, въ которой единственный сынъ у царя, такой же маленькій мальчикъ, какъ Сережа, отъ куренія заболѣлъ чахоткой и умеръ, оставивъ дряхлаго старика отца безъ всякой помощи: «некому было управлять государствомъ и защищать дворецъ,—пришли непріятели, убили старика, разрушили дворецъ» и уничтожили въ царскомъ саду деревья съ звенѣвшими при дуновеніи вѣтерка стеклянными

колокольчиками и разноцвѣтныхъ пѣвчихъ птицъ, мальчикъ поглядѣлъ задумчиво на темное окно, вздрогнулъ и сказалъ упавшимъ голосомъ: «не буду я больше курить». Сережѣ стало жалко и погибшей сказочной красоты и своего «папы»... Въ разсказѣ «Событіе» собака съѣдаетъ котятъ, «дѣтямъ кажется, что всѣ люди, сколько ихъ есть въ домѣ, всполошатся и набросятся на злодѣя Неро; но люди сидятъ спокойно на своихъ мѣстахъ и только удивляются аппетиту громадной собаки... обезпокоена одна только кошка», и Ваня и Нина «плачутъ и долго думаютъ объ обиженной кошкѣ и жестокомъ, нагломъ, ненаказанномъ Неро»... Унылаго отъ горькихъ впечатлѣній жизни писателя умилялъ благодатный миръ незлобивой дѣтской души, сладостно трогали ясный дѣтскій взоръ, свѣжесть и чистота непосредственности дѣтскаго чувства. Въ разсказѣ «Дома» прокуроръ, у котораго на колѣняхъ сидѣлъ сынъ, «чувствовалъ, говоритъ Чеховъ, на лицѣ его дыханіе, то и дѣло касался щекой его волосъ, и на душѣ у него становилось тепло и мягко, такъ мягко, какъ будто не однѣ руки, а вся душа его лежала на бархатѣ Сережиной куртки. Онъ заглядывалъ въ большіе, темные глаза мальчика, и ему казалось, что изъ широкихъ зрачковъ глядѣли на него и мать, и жена, и все, что онъ любилъ когда-либо». Какимъ умилительнымъ тихимъ миромъ вѣетъ отъ заключительной картины изъ дѣтской жизни въ разсказѣ «Дѣтвора»! Наигравшіяся за вечеръ въ лото, не безъ недоразумѣній и столкновеній, дѣти пошли провести младшую изъ своего кружка Соню, задремавшую во время игры, на мамину постель, и черезъ какія нибудь пять минутъ эта постель представляла любопытное зрѣлище: «спитъ Соня, возлѣ нея похрапываетъ Алеша; положивъ на ихъ ноги головы, спятъ Гриша и Аня; тутъ-же кстати заодно примостился и кухаркинъ сынъ Андрей; возлѣ нихъ валяются копѣйки, потерявшія свою силу впредь до новой игры. Спокойной ночи»! Не трогательная ли группа: грустный, удрученный горемъ и страданіемъ жизни, глубоко постигшій тяготу и горькую обиду

ея поэтъ, любующійся безмятежнымъ, полнымъ свѣтлыхъ невинныхъ грезъ и чистымъ дѣтствомъ!...

Въ характеристикѣ Чехова, какъ писателя, нельзя не остановиться, хотя нѣсколько, на его описаніяхъ природы; въ этомъ отношеніи онъ обладалъ замѣчательною силою выраженія и писалъ такъ, что со страницъ его разсказовъ лилась утренняя прохлада и горячій лѣтній зной, надвигался сырой мглистый туманъ и морозило въ весеннемъ воздухѣ, вѣяло удушливой атмосферой надвигающейся грозы и пахло степной травой... Какъ истинный художникъ слова, Чеховъ обладалъ поразительною способностью, почти не давая рисунка, наброскомъ нѣсколькихъ тоновъ заставлять почувствовать картину природы путемъ внутренняго особаго настроенія, отъ котораго уже отправляется ваше воображеніе. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Степь» Егорушка, оставшись одинъ, когда старшіе уснули послѣ обѣда во время остановки въ пути, среди необозримой степи, такъ же, казалось, какъ и люди, дремавшей въ горячемъ зноѣ полдня, слышитъ вдругъ «тихое пѣніе»; потомъ оказалось, что по сосѣдству, за пригоркомъ, пѣла баба, но ея не было видно Егорушкѣ». «Пѣсня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плачъ и едва уловимая слухомъ, слышалась то справа, то слѣва, то сверху, то изъ-подъ земли, точно надъ степью носился невидимый духъ и пѣлъ. Егорушка оглядывался и не понималъ, откуда эта странная пѣсня; потомъ же, когда онъ прислушался, говоритъ авторъ, ему стало казаться, что это пѣла трава; въ своей пѣснѣ она, полумертвая, уже погибшая, безъ словъ, но жалобно и искренно убѣждала кого-то, что она ни въ чемъ не виновата, что солнце выжгло ее понапрасну; она увѣряла, что ей страстно хочется жить, что она еще молода и была бы красивой, если бы не зной и не засуха;—вины не было, но она все-таки просила у кого-то прощенія и клялась, что ей невыносимо больно, грустно и жалко себя»... Или, напримѣръ, въ томъ же разсказѣ картина надвигавшейся, но пронесшейся мимо грозы...

«Еще бы, кажется, небольшое усиліе, говоритъ авторъ, одна потуга, и степь (измученная отъ зноя и страстно ждавшая освѣжающей грозы) взяла бы верхъ. Но невидимая гнетущая сила мало по малу сковала вѣтеръ и воздухъ, уложила пыль—и опять какъ будто ничего не было: наступила тишина. Облако спряталось, загорѣлые холмы нахмурились, воздухъ покорно застылъ, и одни только встревоженные чибисы гдѣ-то плакали и жаловались на судьбу!...» Такъ и при изображеніи людей и жизни двумя-тремя штрихами Чеховъ заставлялъ читателя страдать и надѣяться, постигать мудреныя загадки жизни и горѣть стыдомъ отъ сознанія своихъ заблужденій заодно съ героями своихъ разсказовъ; въ этомъ его творческая сила и нравственная связь какъ съ своимъ поколѣніемъ, такъ и потомствомъ...

Недолго былъ онъ веселъ въ жизни,
Ему любовь къ родной отчизнѣ
Дала страдальческій вѣнецъ!
Онъ задыхался въ жизни сѣрой,
Но съ грустно-радостною вѣрой
Далекій свѣтъ боготворилъ
И часто, скорбью утомленный,
О жизни свѣтлой, обновленной
Въ послѣднихъ грезахъ говорилъ.
Но самъ онъ зналъ, что до разсвѣта
Не доживетъ душа поэта,
Какъ въ тихомъ сумракѣ звѣзда...
И вѣсть пришла съ чужбины дальной:
Въ его душѣ многострадальной
Замолкли струны навсегда [1])...

«Сквозь широко раскрытое окно, разсказываютъ о послѣднихъ минутахъ жизни Чехова, вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показывалась заря. Кругомъ ни звука,—маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только пѣніе птицъ доно-

---

[1]) *А. Лукьяновъ*, «Памяти А. П. Чехова»: «Міръ Божій», авг. 1904 г.

силось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человѣкъ и работникъ, припавъ на плечо женщины [1]), которая покрывала его слезами и поцѣлуями» [2])... Да будетъ же эта заря, въ сіяніи которой смерть взяла писателя изъ этого «міра страданій и слезъ», для насъ предвѣстницей разсвѣта завѣщаннаго имъ лучшаго будущаго, а для него самого зарею безсмертія...

101083

[1]) Въ моментъ кончины у постели умирающаго писателя находилась жена его, О. Л. Чехова—Книпперъ, извѣстная артистка московскаго Художественнаго театра.

[2]) Письмо Г. Б. Іоллоса къ редактору «Русскихъ Вѣдомостей».

№ 15

PG
3458
A1K6

Kniazev, Georgii Alekseevich
O Chekhovie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY